

Эдуард Веркин

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ

Чудовище с улицы Розы
Правда о привидениях

Эдуард Веркин
Большая книга
ужасов – 1 (сборник)

Серия «Большая книга ужасов», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169582

Большая книга ужасов. 1: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-25919-9

Аннотация

«Чудовище с улицы Розы»

Оказывается, эти странные твари бродят по нашему миру, втираются в доверие к людям, проникают в семьи... Они ждут своего часа, чтобы начать охоту. И выходят темными ночами, когда люди ворочаются в беспокойстве на своих постелях, а собаки воют, объятые смутным страхом... Их нельзя остановить. Ведь никто не верит, что такое возможно! Но повесть «Чудовище с улицы Розы» заставит вас поверить, что это не так...

«Правда о приведениях»

«Зачем вы поселились в этом доме? – спросил меня тогда парень по кличке Горох. – Немедленно уезжайте! Будет беда!» Но я не послушал его и не рассказал о предупреждении родителям. Однако вскоре выяснилось: этот самый Горох умер много лет назад! Значит, я разговаривал с привидением?.. Всю «Правду о приведениях» вы узнаете из этой повести!

Содержание

Чудовище с улицы Розы	4
Глава I	4
Глава II	7
Глава III	17
Глава IV	28
Глава V	43
Глава VI	53
Глава VII	62
Глава VIII	75
Глава IX	87
Глава X	97
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Эдуард Веркин

Большая книга ужасов. 1

Чудовище с улицы Розы

Глава I

Это конец

Кажется, все было так.

– Пошел, – сказал я тогда Баксу.

Я еще договаривал это короткое слово, оно еще прыгало у меня на языке, а Бакс уже несся вперед. Он двигался так резко, что ноги его сливались в размытое пятно, совсем как у гонящегося за антилопой гепарда. Издали Бакс был похож на большую ожившую кляксу. На злую черную пулю, выпущенную из бесшумного духового ружья. Прямо в цель.

Когда я пробежал метров сорок, Бакс опередил меня уже метров на тридцать, а может, даже и больше. Бакс, несмотря на свои внушительные размеры, совсем не был увальнем. Он был сильным и быстрым. Гораздо сильнее и резвее меня. Именно поэтому я и послал его первым.

Мы неслись между яблонями, быстро, как только могли.

Так быстро, что я даже не успевал дышать, вдыхал через раз. Взрыв-вдох, взрыв-выдох. Думать я тоже не успевал. Да и не о чем было больше думать.

Мы выскочили на лужайку.

Ли увидела нас и радостно воскликнула:

– Эй, ребята! Привет!

Бакс не снизил скорости.

Когда-то в детстве я видел картинку. Поле со скошенной травой, озерко, гуси купаются. К гусям с двух сторон подкрадываются лисы. Нарисовал один мальчик. Картинка была удивительна тем, что художник увидел все это, как бы с высоты птичьего полета. Белые горошины гусей и острые стрелки лис. И это придало всей сцене необыкновенную живость и какую-то даже трагичность. Когда смотрел на нее, я ясно видел, что произойдет в следующее мгновение: лисы рванутся, гуси заорут, ветер поднимет белые перья...

И, приближаясь к Ли и Римме, я вдруг увидел все происходящее, как бы глазами того мальчика-художника. Сад, яблони, трава, на небольшой полянке гуляют две девочки. И мы с Баксом направляемся к ним. Пройдет несколько мгновений, и ветер поднимет...

– Бакс!!! – крикнула Ли. – Стоять!

Мы не остановились.

И Римма все поняла. Сразу. Она выдвинулась вперед и присела. Ли испугалась, успела еще крикнуть:

– Стоять!!!

Бакс шел первым. Мой расчет был точен. И Бакс прыгнул. Римма инстинктивно выставила вперед руку. Бакс повис на ней и потащил Римму вправо.

Потом подоспел я. Прыгнул, и меня было уже не остановить. Краем глаза я увидел, как в обмороке оседает на траву Ли.

Затем я врезался в Римму.

Глава II

В клетке

Скоро меня убьют. Вероятнее всего, в конце этой недели. А может, и на следующей. Убьют. Убьют, тут уж ничего не поделаешь.

Они должны меня подержать тут еще какое-то время, потом отправить куда подальше, в какую-нибудь спецшколу для особо неодаренных. Там со мной начнут заниматься психологи, станут ставить на мне опыты, будут показывать мне кляксы и спрашивать, что я в этих кляксах вижу...

Но этого не случится.

Потому что скоро меня убьют.

Я понял это, как только в мою комнату вошел Белобрысый.

Он улыбнулся, сел на стул и угостил меня леденцами. Затем представился. Психолог. Очередной психолог, он хочет мне помочь, он большой специалист по девиантному¹ поведению среди несовершеннолетних и знает, как действовать в подобных случаях. Если я буду сотрудничать, он мне поможет.

Я сказал, что готов сотрудничать. И в том, что он мне поможет, я тоже не сомневался. Он поможет мне отправиться

¹ Девиантное – отклоняющееся от нормы.

на тот свет с минимальными для меня усилиями.

– Ты интересный мальчик. – Белобрысый смотрит мне в глаза. – Очень интересный. . .

И он рассказывает мне о том, что современная наука шагнула далеко вперед и таких, как я, лечат и успешно возвращают в общество. Я согласно киваю. Я вижу, что в глазах Белобрысого прыгает моя смерть.

Просить бесполезно. Белобрысый меня не пощадит, а он тут самый главный. Это видно.

Он сидит напротив меня и улыбается.

Мне с ним не справиться, он гораздо сильнее меня. Он гораздо сильнее даже Риммы. Белобрысый приберет меня одной рукой, даже не вставая со стула. А Бакса больше со мной нет.

Мне скучно без Бакса, я к нему привык. Я купил его на базаре у одной женщины. Она не знала, какой он породы, называла его «собачкой» и просила сто пятьдесят рублей. У меня было двести, нам, сиротам, полагается ежемесячная помощь от государства, я заплатил и сунул под куртку похожее на валенок существо. Дом, в котором я тогда жил, располагался за городом, воспитанники вели подсобное хозяйство, и пристроить в нем собаку не составило никакого труда. Бакс вырос быстро и вырос большим, сильным и умным. Все его любили, и у меня никогда не было проблем с его содержанием. Во всех приютах, в которых я побывал за свою жизнь, Бакса принимали и любили.

Теперь его нет. Мне без него тяжело, я к нему привык.

А вообще здесь неплохо. Видимо, это какая-то новая клиника или тюрьма, экспериментальная или построенная на деньги каких-нибудь там миллионеров и спонсоров. У меня отдельная комната с кроватью, двумя стульями и телевизором. Правда, телевизор подвешен высоко, почти под потолок, а экран забран сеткой, но все равно это здорово. У меня никогда не было своего телевизора и своей отдельной комнаты, вся моя жизнь с самого начала была сплошным общением. Хотя нет, в доме у Ли у меня была и своя комната, и свой телевизор, только недолго. И холодильник в кухне, в который можно залезать в любое время.

Здесь холодильника нет, зато есть трехразовое питание. Утром, в обед и вечером. Кормят хорошо, я даже немного поправился. Это и неудивительно, двигаюсь я мало. Зарядки здесь не предусмотрено, все свободное время я лежу на кровати и смотрю в телевизор. Книжек мне не выдают, иногда приносят газеты, ведь отсутствие газет нарушает мои гражданские права.

Гулять меня не выпускают, как особо опасного. Я ведь очень опасен, даже несмотря на перелом... Кстати, перелом мне они залечили. Даже, кажется, вставили в кость стальной штырь для крепости. Так что я теперь здоров. Почти здоров – некоторая скованность в локтевых движениях все равно наблюдается, и еще я слегка хромаю. Это от пойнтеров.² Но с этим можно жить.

² Пойнтер – порода охотничьих собак.

Они меня вылечили. Белобрысый специально проследил за этим, лично проследил. Зачем это ему надо, не понимаю. Зачем меня лечить? Чтобы отправить на тот свет здоровеньким? Это даже как-то обидно. Кругом полно больных и голых, а лечат меня. Смертника. Вот так.

Я думаю, что Белобрысый делает это специально, чтобы в случае чего отвести от себя подозрение. Типа он сделал все, что мог, даже здоровье ему поправил, но ничего не получилось, угрызения совести пациента оказались не совместимы с жизнью...

На прошлой неделе ко мне приходил очередной психолог с учениками. Когда ко мне приходит такая компания, меня забирают из моей комнаты. Два здоровенных, как шкафы, санитары ведут меня направо по коридору, в специальный бокс, где есть все нужное для мозгокрутства. Иногда мне в голову приходит идея: а что, если взять да укатать этих мужиков, и попробовать удрать?

В принципе это выполнимо. Если я буду достаточно быстрым и если мне повезет, я смогу вырваться от них. А дальше что? Куда бежать? Судя по глухой тишине и отсутствию окон, я нахожусь в подвале. Может, на первом уровне, а может, на десятом. Даже если я убегу, я не смогу выбраться на поверхность.

Так вот, на прошлой неделе ко мне заходил психолог с учениками. Я им очень интересен. В последнее время участились случаи, подобные моему, и они собираются про-

вести исследование и написать серьезную научную работу. Юные психологи светили мне фонариком в зрачки, тесты какие-то проделывали. Определите, какая из фигур на этом рисунке лишняя. Заставляли веревочку в кольцо протаскивать, будто я обезьяна какая! Здорово меня затрепали, я не выдержал и даже рыкнул на них. Так они отскочили все от стола и сразу же позвали санитаров. Те ворвались в бокс, заломили мне за спину руки и сунули под нос шокер. Искра заплясала у меня перед глазами, и я сразу стал смирным и послушным, как ягненок. А эти психологи тут же бросились писать в свои блокноты: «крайняя степень агрессии», «крайняя степень опасности», «крайняя степень социопатии»³... Чушь, короче, писали. Фотографировали тоже. А перед уходом психолог сказал этим своим ученикам, что, мол, несмотря на все что я натворил, со мной надобно поступить гуманно, мы ведь не в каменном веке живем. Ученики согласно закивали.

Тогда я втянул посильнее воздух, как бы определяя, кто из них пахнет вкуснее, и аппетитно облизнулся – психолог и его команда стремительно свалили, только я их и видел. Удрали, оставив после себя в воздухе запах больницы. Спирт, лекарства, резиновая обувь. Хоть какое-то разнообразие. Один даже карандаш свой забыл, я этот карандаш спрятал. А санитары меня сразу бац – фейсом об тейбл.

Больно. Так и живем. Но карандаш не заметили.

³ Социопатия – активное неприятие общества.

Или еще. Тоже на прошлой неделе. Приперлись две дамочки с фотоаппаратами. Не знаю уж, кто их пустил, обычно ко мне никого не пускают. Нельзя. А они из какого-то журнала глянцевого, пишут статьи типа «Пришельцы похитили свинью-рекордсменку». А я фигура заметная, как говорят в таких журналах, ньюсмейкер.⁴ Дамочки угостили меня домашними сырными шариками и давай проливать надо мной слезы. Что я не виноват, что я такое несчастное существо, жертва этого жестокого мира, неправильного устройства общества. Утешать меня давай, говорили, что уже начат сбор подписей за мое помилование, что меня помилуют, а потом непременно вылечат. И я стану хорошим мальчиком и уже никого никогда не прикончу...

И фотографировали меня с разных сторон. И так и сяк.

Этих я не стал пугать, сырники были вкусные.

Интересно, думал я, каким же надо быть полным придурком, чтобы подписаться под прошением о моем помиловании? Я бы сам себя, если бы, конечно, не знал всей правды, никогда бы не помиловал.

Но меня помилуют. Я еще маленький, к тому же псих. Меня лечить надо.

Но Белобрысый не будет меня лечить, и уж, конечно, он меня не помилует. Выждет удобный момент и прикончит.

Я надеюсь, это будет газ. Мне хочется, чтобы это был газ. Я слышал по телевизору, что газ – самая приятная и безбо-

⁴ Ньюсмейкер – создатель информационных поводов.

лезненная смерть. Раз, и все – сон. Раз – и ты уже на зеленом лугу, в краях, богатых дичью, в месте, где нет никого, кто был бы тебе неприятен. Белобрысый подойдет ночью к двери и выпустит под нее газ из баллончика. И никаких следов в крови, сердце остановилось, и все. А он будет смотреть на меня через стекло двери... Впрочем, не буду забегать вперед.

Почему я все это тут рассказываю? А рассказываю я все это потому, что мне совершенно нечего делать. Целыми днями я лежу на койке, смотрю в стену. Иногда в телевизор. Читаю что-нибудь в газетах.

Два раза в час в дверь заглядывает дежурный. Он минуту смотрит на меня пустыми глазами, потом исчезает. Бывают дни, в которые я, кроме этой рожи, ничего больше не вижу. Последние часы я проведу в одиночестве.

По местному телеканалу крутили передачу про проблемы воспитания подрастающего поколения, про меня там тоже был сюжетец. Показывали Па. Па от меня отказался. Его спросили, почему я такой, а он понес чушь об ответственности, о просчетах в воспитании, о дурной наследственности, а потом сказал, что он не виноват, он со мной знаком всего полгода, за полгода ничего не успеешь...

Я не очень расстроился, это ведь было правдой.

После Па показали Ма. Ма заявила, что ей за меня стыдно, а больше ей нечего сказать. И отвернулась.

Ли ничего не сказала, ее не показывали по телевизору.

Это хорошо. Если бы еще и она чего-нибудь булькнула, я не знаю, что стал бы делать. Повеситься тут нельзя, выручат. Откусить язык и истечь кровью, как японский ниндзя, я не смогу решиться. Один мужик отломал ножку у кровати, налил водой, вставил пыж из резины, а поверх него жеваных газетных шариков. Привязал один конец к батарее, а другой приложил к виску. Ночью вода нагрелась, расширилась, и шарики снесли мужику полбашки. Но это слишком сложно технически. Так что буду пока жить. Что еще остается делать?

Так вот. Возвращаясь к вышеподуманному. Скорее всего это будет газ. А может, Белобрысый подсыплет мне в суп какого-нибудь крысомора. Мало ли?

Или укол. Мне сделают успокаивающую инъекцию или там витамины, а в шприце случайно окажется какой-нибудь яд.

Или... да мало ли что? Белобрысый может запросто вывезти меня куда-нибудь за город и просто пристрелить. У него есть пистолет, видимо, он положен ему по должности. Однажды Белобрысый заглянул ко мне. Он часто заходил, почти каждый день. Я сидел за столом и смотрел телевизор. Он вошел и устроился напротив меня.

Я что-то почувствовал, какую-то угрозу и покосился на видеокамеру в углу моей комнаты. Все нормально, огонек горит.

Белобрысый посмотрел в ту же сторону.

– Она отключена, – улыбнулся он. – Я же тут все-таки главный. Огонек – это так, для отвода глаз.

Белобрысый засмеялся. Засмеялся точно так же, как она. И вдруг резко выхватил серебристый пистолет и положил его на стол. Прямо между нами.

– Попробуй, – усмехнулся он. – Вдруг получится.

Искушение было велико, но я все-таки удержался. Если он такой же, как Римма, то он гораздо быстрее меня, я даже руку не успею протянуть.

– Тогда я. – Он взял оружие и уставил его мне в лоб.

Я знал, что он не выстрелит. Это слишком явное убийство. Он сделает это позже. Я знаю это. Я это чувствую.

Вы спросите меня: почему я не жалуясь и не прошу никого о помощи?

Во-первых, тут некому жаловаться. Белобрысый тут главный. Во-вторых, у меня синдром богадельни.⁵ Дети, которые всю жизнь провели в приютах, детских домах, центрах временного пребывания и других подобных заведениях, не жалуется. Даже в самом маленьком возрасте. Они молчат и сами решают свои проблемы. Так и я. К тому же, если я буду всем говорить, что здешний начальник собирается меня убить, мне все равно никто не поверит.

А он собирается. По-другому он просто не может. Он ведь точно такой, как она.

И он меня уберет. И не только потому, что месяц назад я

⁵ Богадельня – здесь: детский дом, приют.

расправился с девочкой по имени Римма.

Но еще и потому, что я вижу, кто он на самом деле.

Глава III

Кики пропал

Я придумал, чем себя занять. У меня много газет и есть забытый психологами карандаш. Я затачиваю карандаш о спинку кровати и пишу мелкими-мелкими буквами на полях газет свою историю, потом отрываю поля, скатываю в мелкие трубки и прячу в тайник в подошве ботинок. Порою я думаю, что, если вдруг кто-нибудь когда-нибудь найдет мой рассказ и опубликует, он вполне может его озаглавить «Рукопись, найденная в ботинках».

Я рассказываю все это для того, чтобы убить время, которого у меня в избытке, я рассказываю это в расчете на то, что мои газетные трубочки хоть кто-то найдет. Тогда он будет знать, как все получилось. И тогда у него будет шанс. А еще я хочу, чтобы хоть кто-нибудь узнал, что я не псих, не сумасшедший и не лгун. Чтобы хоть кто-нибудь узнал правду.

Сразу хочу предупредить, что рассказ мой будет сбивчивым. Может даже показаться, что я перескакиваю с одного события на другое, из прошлого в настоящее и так далее. Это так. Вы, наверное, это уже заметили. Просто я не знаю, как рассказать все по-другому. Я сижу в своей камере и описываю то, что происходит со мной сейчас, в этот конкретный день. А потом я начинаю вспоминать, что случилось тогда, месяц с небольшим назад. Вот поэтому такой разнобой и по-

лучается. Порой я вставляю для ясности несколько мыслей, которые, как мне кажется, поясняют происходившее. А иногда и не вставляю.

Это была абсолютно черная собака. Черная, как смола, которой покрывают дороги. Собака стояла возле изгороди и чесала бок. Затем она остановилась и посмотрела в мою сторону.

Холод.

Я закрыл глаза. А когда открыл, черной собаки уже не было.

Показалось, подумал я. Я снова закрыл глаза и снова уснул. Солнце светило через закрытые веки, и сон мой был крепок и безмятежен. Что может быть лучше полуденного сна в старом, чуть поскрипывающем кресле-качалке?

– Бакс!

Я повернул голову. Бакс насторожил уши и поглядел на меня.

– Бакс!

Я зеваю и потягиваюсь, хрустя суставами.

– Бакс, зараза такая!

Бакс смотрит на меня. Я киваю.

Бакс вскакивает на ноги.

– Сэм!

Это она меня зовет. Ли. На самом деле ее зовут, конечно, не Ли, а Елизавета, но кто, скажите, будет называть так две-

надцатилетнюю девчонку? Правильно, никто. И все зовут ее Лиза. А я еще короче – Ли. Потому что Лиза – слишком глупо и мне не нравится, похоже на «лизать».

– Бакс! – кричит она. – Сэм! Идите сюда!

– Ли! – отвечаю я и спешу через кусты на голос.

Кстати, я тоже не Сэм. Это мое прозвище. Так меня все называют. Мое настоящее имя Семен. Сеня. Но Семен длинно и старомодно. Раньше меня звали Сеном, но это вообще не то. В итоге я получился Сэм. Так и коротко, и мне нравится. В том месяце у меня был день рождения, и Ли подарила мне серебряный доллар с дырочкой. Я спросил, при чем тут доллар. Ли же сказала, что \$ – на самом деле это объединенные латинские буквы U и S, что означает одновременно и United States, то есть Соединенные Штаты Америки, и Uncle Sam, то есть Дядя Сэм. Мне такой умный подарок очень понравился, я прицепил доллар на цепочку и так теперь с ним и хожу. И каждому понимающему человеку сразу видно, что я – Сэм.

Сэм и Бакс.

Как появилось имя Бакс, я не очень-то и помню. Кажется, кто-то назвал его Собакой Баскервиллей, сокращенно Баск. Но Баск не очень удобно звучит, так что постепенно он переименовался в Бакса. Ему, кстати, Ли тоже подарила доллар. Тут уж понятно почему – Бакс. Бакс, он доллар и есть.

– Бакс! – зовет Ли. – Сэм!

Я киваю еще раз. Бакс срывается и пролетает через кусты.

Я следую через кусты за ним.

Бакс уже несется к Ли. Он ее уже видит, но остановиться не успевает. Это он специально. Спотыкается и летит вверх пузом, дрыгая в воздухе ногами. Шлепается на спину. Это он специально, я-то его знаю. Ли очень нравится, когда он так вот переворачивается и шлепается. Она думает, что Бакс неуклюжий, жалеет его.

– Какой он у тебя сундук, Сэм! – смеется она. – Как ты совсем!

Я смущенно улыбаюсь.

Ли хватает Бакса за уши, он злобно рычит.

Ли смеется.

– Я ловчее тебя! Ты, увалень!

Сама Ли ходит на гимнастику, и поэтому она очень ловкая.

Но Бакс все равно ловчей. Он ведь собака. А любая собака в десять раз ловчее самого ловкого человека. Вот, например, Ли очень любит неожиданно щелкать Бакса по носу. Не знаю, чего уж интересного в том, чтобы щелкать пальцем по мокрому собачьему носу, но многим людям это нравится. Ли тоже. За те доли секунды, что ее рука тянется к его морде, он может отпрыгнуть по крайней мере пять раз, но, чтобы сделать ей приятное, он сдерживает рефлекс и дожидается, когда ее палец коснется кончика его носа. Я-то его, хитрюгу, знаю.

– Попался! – радостно крикнет тогда Ли, а я сделаю вид,

что жутко расстроен неловкостью своего пса.

Затем она назовет его еще раз сундуком и угостит собачьим печеньем. Я сделаю пальцами запрещающий знак и возьму печенье сам.

– Ты чего? – удивится Ли. – Ешь собачье печенье?

– Ага. Оно вкусное. Вот попробуй!

Ли тоже берет круглый сухарик прямо из-под носа жалобно скулящего Бакса. Пробует.

– И в самом деле вкусное. Только несоленое.

– Собакам соленое и сладкое нельзя, – объясняю я. – А сухарики вкусные, мы раньше всегда их ели. Поешь, водичкой запьешь, и все в порядке.

– А чего Бакс их не кушает? – спрашивает Ли.

Бакс скулит громче. Я разрешительно подмигиваю ему. Он зарывается мордой в сухари и аппетитно хрустит.

– Хороший. – Ли снова щелкает его по носу.

Бакс не обращает внимания, не уворачивается. Пусть Ли думает, что это она у нас тут самая быстрая.

– У нас тоже раньше собака была. – Ли треплет Бакса по голове.

Ей можно. Из остальных никто не решается, разве что Ма. Да и то с опаской.

– Собака была у нас. – Ли гладит Бакса по спине. – Породы лабрадор. Только ее потом машиной сшибло. А ты, Бакс, злодей! Кто в гостиной на диване валялся? Селедка снова ругаться будет – ты ей на диван шерсти напустил, а ей уби-

рать. А это, между прочим, исторический диван, на нем однажды сам Гагарин сидел!

Я киваю головой и стучу кулаком Баксу по голове. Я-то прекрасно сознаю, что диван – вещь историческая, только вот Баксу на это глубоко наплевать. Ему что Гагарин на диване сидел, что Маленький Мук – все едино. Он знает, что на диване очень удобно валяться. Вот он и валяется. Я сижу в кресле, смотрю телевизор, а Бакс лежит на диване и тоже смотрит. Во всяком случае, делает вид, что смотрит.

А Селедка – это наша домработница. Ее зовут Изольда, но на Изольду она совершенно не похожа. Похожа на селедку. Так и зовем.

– Селедка его пылесосом! – смеется Ли. – Всю пыль из него вычешет!

Бакс боится пылесоса. Это ужасно смешно. Почти шестидесятикилограммовая зверюга, способная перекусить дюралевую трубку толщиной в большой палец, при первых же пылесосных звуках прячется под кресло или в какую другую щель и не появляется, пока уборка не будет окончена. Как щенок. Селедка этим пользуется и Бакса моего всячески ущемляет. По дому гоняет.

Впрочем, Бакс ей мстит. Несет, бывало, Селедка чай на веранду, а Бакс спрячется в кустах, а когда Селедка проходит мимо – как выскочит! И морду еще такую зверскую делает, что кто угодно испугается, не только Селедка. Селедка взвизгнет, поднос у нее на траву упадет, а Баксу только того

и надо – быстренько все пирожные и сахар проглотит – и в сад, под деревом дрыхнуть. А Селедка назад в дом идет – за новыми пирожными. А обратно уже с пылесосом – чтобы Бакса отпугивать. Такая у них война.

А вообще-то мой Бакс – добрейшее существо. Недавно Ли притащила из школы белую крысу, так этот дурень ее взял, да и тяпнул, думал, игрушечная. Крыса, конечно, всмятку, Ли в слезы. А Бакс как понял, что натворил – так чуть не рехнулся. Заскулил и под дом забился, еле я его оттуда выманил. Он потом неделю переживал – ничего не ел, а это для него пытка настоящая.

– Помнишь Селедку? – спрашивает Ли. – Тетю Изольду? Пылесос помнишь?

При слове «пылесос» Бакс морщится и показывает зубы. Ли покатывается от хохота.

– А ну, найди Селедку! – говорит Ли.

Я одобрительно киваю.

– Давай, поищи ее, – просит Ли.

Бакс поднимает морду вверх и втягивает воздух. Морда его начинает дрожать и дергаться, я просто вижу, как сквозь его мозг проносятся сотни, тысячи запахов, окружающих нас со всех сторон и нами не слышимых и не ощущаемых.

Яблоки, яблочная кора, баранина с кухни, бензин из гаража, сигареты – это Ма втайне курит, пыль, в углу сада кроличье семейство, соседи топят углем, одеколон «Арктика» – это Па, кожа дивана... Ага, так и есть. Селедка. Рубит в

кухне салат...

Бакс уже собирается выпустить наполнившие его голову запахи обратно, в мир, но вдруг там, в мешанине сотен и тысяч оттенков, он ловит то, что заставляет его задержать выдох.

Запах. Неуловимый, практически неуловимый, одна частица на миллион.

Бакс поворачивает морду ко мне, и я вижу, как шерсть у него на загривке поднимается, а глаза выкатываются. Зрачки расширены.

Такого Бакса я видел всего один раз.

...Мухи. Огромные черные мухи въедаются в еще живое мясо...

Собака напрягается, готовая сорваться с места, я с трудом удерживаю ее за поводок.

– Что это? – спрашивает Ли. – Что с ним?

– Не знаю, – отвечаю я. – Что-то почувствовал.

– Что?

– Всякое может быть, – говорю я. – Может быть, котяра этот...

Бакс смотрит в сторону сада и дрожит, я чувствую, как ходят под шкурой его мышцы.

Он рычит.

– Скажи. – Ли треплет меня за рукав. – Скажи, а то я буду всякую ерунду выдумывать и только напугаюсь.

Я смотрю на Ли.

– Я никому не разболтаю, – уверяет она меня. – Честное слово, никому не разболтаю...

Бакс рычит, я с трудом удерживаю его.

Но тут налетает северный ветерок, и Бакс неожиданно успокаивается. Я отпускаю ошейник.

– Я видел черную собаку, – сообщаю я.

– И что? Вокруг полно черных собак. А там под забором есть хороший подкоп, Бакс вырыл. Слушай, а может, он на собаку и рычал?

– Ты не поняла, – я усаживаю Бакса на землю. – Это не простая собака.

– Бешеная? – испуганно оглянулась Ли.

– Не бешеная... Это... другая собака... Таких собак видят перед тем, как случится что-либо нехорошее. Это как дурная примета...

– Все-все-все, – замахала руками Ли. – Дальше не рассказывай! Я не люблю всякие страшилки...

Я пожал плечами.

– Это не значит, что обязательно что-то плохое случится, – сказал я. – Но когда видишь черную собаку – это знак. На это нельзя не обращать внимания...

– А ты откуда знаешь, что это знак? – спросила Ли.

– У нас в приюте истопник был, его Сухим звали, – ответил я. – Он все про разные знаки знал. Всех нас учил. У него поперек тела шрамы в несколько рядов шли...

– Откуда?

– Он говорил, что оборотень.

– Оборотней не бывает, – сказала Ли.

Я промолчал.

– Ну, хорошо, будем считать, что наш Бакс почуял оборотня, – захихикала Ли. – У меня есть серебряные сережки, можем их переделать в пули.

– Отличная идея, – сказал я. – Но только не сейчас, сейчас слишком жарко, чтобы плавить серебряные пули.

– А что делать тогда будем? – спрашивает Ли. – В догонялки не будем играть, надоело. В прятки тоже. Может, погуляем? До озера и обратно?

Я не против погулять. Бакс же при слове «гулять» начинает приплясывать.

– Вот и отлично, – говорит Ли.

И она попыталась снова щелкнуть Бакса по носу, но в этот раз он решил уклониться.

После чего мы направились к воротам. Ли шагала впереди, я тащился сзади, Бакс, как самая настоящая телохранительская собака, брел за мной – прикрывал спину.

Возле ворот нас догнал на машине Па. Он затормозил и опустил стекло.

– Гулять идете? – спросил Па.

– Ага, – ответила Ли. – К озеру спустимся. Лимонаду купим.

– Понятно... – Па почесал подбородок. – Вы там повнимательнее смотрите.

– А что?

– Кики пропал, – сказал Па. – Вчера с утра куда-то ушел, и все, больше нет. Мать расстроена. Плачет.

– Может, погулять пошел, – предположила Ли.

– Он раньше никогда на ночь не задерживался.

– А может, он на чердак залез? – еще предположила Ли.

– Чердак я прошлым летом забил, забыли, что ли?

– Он все-таки кот... – сказала Ли.

Па покачал головой, открыл ворота и поехал в город.

– Кики пропал, – задумчиво произнесла Ли.

Бакс гавкнул, выражая сдержанную радость.

– Может, еще отыщется, – предположил я.

Так и началась вся эта история.

Глава IV

Ненавижу кошек

Это был мой первый настоящий дом. До этого я жил в основном по приютам, а один раз в интернате для детишек, больных туберкулезом. В туберкулезном интернате жилось лучше всего, он располагался в кедровнике, и там хорошо кормили. А год назад запустили федеральную опекунскую программу. Типа, пусть каждая обеспеченная семья, ну те, кто хочет, конечно, возьмут на попечение по ребенку из детских домов, а кто может, пусть возьмет двух.

Многие богатенькие Буратино откликнулись на призыв правительства и взяли себе сироток. Мне тоже повезло. Я попал в дом к Ли.

Ли была единственным ребенком. Па и Ма хотели еще детей, но у них чего-то там не получилось. И они решили помочь мне.

Меня приняли очень хорошо. Взрослые выделили мне комнату на втором этаже и разрешили называть себя Ма и Па. Ли подарила мне компьютер, правда, я не умел им пользоваться.

Бакса все они тоже признали, он был добрым псом и умел расположить к себе людей...

Бакс.

Иногда я завидую ему, он сейчас мертв. Мертв, мертв, могу поспорить. Я слышал, как хрустнул позвоночник, после такого хруста не выживают. Мне жаль его. И еще мне стыдно. Это ведь я подставил его, я. А по-другому было нельзя, по-другому я бы не справился. И выбора у меня не было – или Бакс, или Ли. На самом деле выбора не было. Но я думаю, Бакс на меня не обижается. Он смотрит на меня со своих богатых дичью лугов и не обижается. Он выполнил свой долг, оправдал свое предназначение и существование, иначе он поступить просто не мог. Как всякий настоящий воин, он встал на защиту своей семьи и погиб в бою. Слава тебе, мой друг, мне тебя не хватает.

Забавно, сегодня прочитал в газете интервью Селедки. Я вообще-то думал, что мне газеты нельзя читать, чтобы психика у меня дальше не расшатывалась. Но, видимо, по указанию Белобрысого газеты мне приносят. Он хочет изучить мою реакцию.

Так вот газета. Селедка там на целую страницу разразилась рассказом о том, как она спасла Ли, «этого несчастного ребенка», от «кровожадного чудовища и его зверя», то есть от меня с Баксом. Как она героически выскочила из дома, как, орудуя граблями, отогнала меня от тела и грудью защитила Ли. Как вызвала милицию... Ну, и так далее. Кажется, ей собираются вручить медаль за личное мужество.

Хотя на самом деле все было не так. Едва Селедка выкадилась на полянку, как сразу же завопила, словно сирена на

озерном буксире. И вопила, наверное, целую минуту и только потом уже героически спряталась в будке для садовых инструментов. Я, когда убежал, ее слышал.

Ладно с ней, с Селедкой. На нее я не в обиде. Сейчас в меня только ленивый не плюет. Вчера по телевизору была передача, в основу которой лег этот самый «Пригородный инцидент». То есть моя с Баксом история. Кажется, каша заваривается серьезная. По всей стране заваривается. За последних две недели активные группы граждан бессудно расправились с двенадцатью собаками породы Бакса, тремя немецкими овчарками и семью доберманами. Под горячую руку попал даже один черный русский терьер, зверушка уж вполне безобидная. Хозяева боятся своих собак. Некоторые просто выгоняют их на улицы. Где их успешно отстреливает милиция. Через парламент собираются провести закон, запрещающий домашнее содержание служебных собак, собак бойцовых пород и собак, чей рост превышает сорок сантиметров.

Так же серьезно обсуждается вопрос о возможном прекращении действия федеральной программы опекунства. В разных областях уже возвращены в свои детские дома около сотни воспитанников. И вообще количество усыновленных и взятых под опеку детей по всей стране стало стремительно снижаться.

А виноват во всем я.

Я поднимаюсь с кровати. Мне не очень нравится здеш-

ний матрас, дома у меня был лучше. Мягкий, набитый вкусно пахнущей кокосовой стружкой. А у Бакса была большая плетеная корзинка, и он спал в ней, как кошка, это ему Ли подарила.

Я поднимаюсь с кровати и делаю три шага вперед, затем три шага назад. Если сделать четыре шага – упрусья носом в стекло двери, а это ни к чему. Потому что, когда я упираюсь в стекло, дежурный начинает нервничать. Он подходит к моей комнате и показывает мне шокер, пускает голубую искру.

Странно, я стал замечать, что дежурный мне начинает постепенно нравиться. Может быть, это оттого, что я почти никого не вижу, кроме этого дежурного.

– Будешь дергаться, – говорит дежурный, – я тебя живо успокою.

Дежурного я понимаю. Работа у него нервная и опасная. Ведь охранять меня – опасное занятие. Вредное для здоровья.

– Сидишь? Так тебе и надо, – ворчит он. – Все вы такие. Сначала кошек душите, потом на людей переключаетесь...

Дежурный, оказывается, кошколюб.

Вы вот любите кошек? Если вы любите кошек, значит, я не из вашей компании. Я кошек не люблю. Я их просто ненавижу. Видимо, это наследственное.

Я не люблю кошек. Про то, что кошек не любил Бакс, нечего и говорить. И с кошки, в общем-то, все это и нача-

лось.

Началось все с Кики. С этой мерзкой блохастой твари, которую почему-то так любила Ма. Сначала я даже обрадовался, что он пропал. Этот жирный котяра нам всем давно уже надоел. В смысле нам с Баксом. Я бы даже отступился от своих принципов и придушил бы его потихонечку, но было жалко Ма. А придушить Кики стоило.

За относительно небольшой период нашего знакомства Кики успел внушить к себе ненависть. Кики обладал целым набором на редкость отвратительных качеств. Более противного существа я не встречал в своей жизни и думаю, что больше и не встречу. Кики был неприятен внешне, и его внутренний мир вполне соответствовал его облику.

Кики был огромен. Это был исполин среди котов, я думаю, он весил никак не меньше десяти килограммов. Причем это был не только чистый жир, но еще и весьма злобные мускулы – Кики с легкостью сиамца взбирался в случае опасности на любой столб, что свидетельствовало о его хорошей физической подготовке. Такую значительную массу Кики приобрел благодаря пристрастию к одному оригинальному блюду. С утра Ма готовила Кики еду – открывала две банки тунца, запускала их в блендер, добавляла туда пяток бананов и взбивала до получения однородной серой массы. После чего Ма вываливала все это в небольшой тазик и звала Кики. Кики появлялся и сжирал бадью за минуту. После

чего отправлялся спать на шкаф, чтобы мы с Баксом не могли его достать. Кстати, на этот шкаф тоже опирался сам Гагарин. Но Селедка Кики не гоняла, видимо, она ощущала с ним тайную духовную близость.

Кики процветал. Мне все время казалось, что Кики вот-вот должен окочуриться от ожирения сердца, но Кики жил на радость Ма и на скорбь нам с Баксом.

Кики был вреден. Это был настоящий монстр, разрушитель и враг всего живого. Кики с упорством Терминатора уничтожал в округе всякую мелкую живность. Мышей, кротов, воробьев, ласточек, навозных жуков, летучих мышей, морских свинок, других кошек, попугаев, список его жертв можно было продолжать до бесконечности. Причем свою добычу Кики не поедал, а закапывал в дальнем углу сада. У него там образовалось целое маленькое кладбище.

Пытался Кики одержать триумф даже над собачьим племенем. Он брал, к примеру, украденную в детском саду морскую свинку, душил ее и выкладывал на дорогу. Через минуту появлялся соседский абрикосовый пудель и принимался со свинкой играть. И тут откуда-нибудь из кустов вылетал Кики. Глупый пудель с визгом несся прочь, и только неповоротливость Кики спасала этого розового доходягу от позорной смерти. Представляю, с каким наслаждением поместил бы Кики трупик несчастного пуделька на свое кладбище!

Мы с Баксом пытались его отучить от этих манер, но неудачно. Нам удалось спасти лишь семейство кроликов,

обитавших в углу сада, да и то случайно. Как-то мы с Баксом отправились посмотреть на кроликов и их детенышей и застали там бесчинствующего Кики. Кики увлеченно, с омерзительным громким урчанием раскапывал кроличью нору и не заметил, как сзади подкрался Бакс. Почуял опасность Кики лишь в последний момент – он рванулся, и в зубах у Бакса остался лишь самый кончик его хвоста. Я хотел сделать из этого хвоста брелок наподобие заячьей лапки, но подумал, что это несколько огорчит Ма. С тех пор Кики к кроликам не лез.

Впрочем, вредил Кики не только маленьким и беззащитным, он вредил всем, кому в силах был навредить. Бывало, Кики прятался на яблоне, под которой любил отдыхать Бакс, Бакс приходил, ложился спать – и тут на него с мявом обрушивался Кики! Удовольствие, прямо скажем, для Бакса небольшое. Или еще. Бакс не всегда все сразу съедал из своей миски, оставлял. Коварный же Кики никогда не упускал случая в эту миску нагадить. Но больше всего пострадал от Кики Па.

Однажды Па шел по коридору, а Кики брел навстречу. Конечно же, Кики и не думал уступать Па дорогу. И совершенно заслуженно получил ногой под брюхо. С тех пор Кики за-таил на Па обиду и вынашивал планы мести, ждал подходящего случая. И случай скоро представился. На сорокалетие сотрудники в фирме, где Па был начальником, скинулись и купили Па дорогие швейцарские часы. Па их очень любил.

Как-то раз он пришел с работы и совершенно случайно положил часы не в комод, как обычно, а в хрустальную конфетницу. И вышел. В окно тут же проник Кики, он залез в конфетницу, помочился в нее, да еще и нагадил прямо на часы Па.

Тогда Па хотел застрелить Кики из пистолета, но мать Кики отбила. И нам запретила Кики наказывать. С тех пор Кики совсем распустился и буянил уже совершенно безнаказанно.

А теперь он пропал.

Мне бы радоваться, но радоваться с чистым сердцем я не мог – Ма очень расстраивалась, а я не люблю, когда кто-то расстраивается. И я решил найти для нее Кики.

Я подозвал Бакса и сказал:

– Кошка. Кошка. Ищи.

Пес прижал нос к земле и медленно двинулся наискосок сада.

Бакс очень быстро нашел след Кики. Он посмотрел на меня, гавкнул и уверенно двинулся к забору. Видимо, здесь Кики взгромоздился на изгородь, чтобы выбраться на улицу.

На изгородь я влезать не стал. Мы добежали до прокопанного Баксом лаза и выбрались через него на улицу Розы.

Наша улица зовется улицей Розы. Хотя я лично никогда тут ни одной розы не видел. Па говорит, что это название происходит еще со времени революции 1917 года. Улицу на-

звали в честь Розы Люксембург,⁶ а потом фамилия Люксембург как-то отпала и улица стала называться улицей Розы...

Ладно, опять отвлекся. Мы вышли на улицу Розы, Бакс быстро отыскал след пропавшего кошки и двинулся по нему.

Сначала Кики брел вдоль дороги. Он пребывал в хорошем настроении – очень скоро мы обнаружили задавленную им лягушку. Видимо, Кики вышел немного погулять и размять свои кости перед серьезным преступлением. Скоро он перебрался на другую сторону улицы, дошел до перекрестка, немножко подумал и направился вверх по холму.

Раньше на холме стояла водокачка, к водокачке вела липовая аллея. Но в войну водокачку разбомбили, а потом ничего уже и строить не стали. Аллея разрослась, и вся верхушка холма покрылась липами, получился лес, который все почему-то называли парком. На самом деле это уже был настоящий лес, правда, не очень густой. Лес как шапка. Наверху лес, а под ним город, бухта, железная дорога, озеро. Лет двадцать назад собирались лес на холме вырубить и понастроить дач, но народ воспротивился и лес отстоял.

Кики зачем-то направился в лес.

Я сам не очень люблю этот лес. Кусок древней тоски в самом сердце цивилизации. Вросшие в землю валуны, красные кирпичные развалины, неприбранность какая-то. Но Кики пошел именно сюда.

⁶ Роза Люксембург – немецкая коммунистка начала XX века.

Сначала Кики уверенно направлялся в лесную чащу, чтобы задрать там дикого хомяка или какую-нибудь птицу малиновку. Я понял это по тому, как плотно шел по следу Бакс. Но затем характер следов Кики, вероятно, изменился. Кики вдруг пошел извилисто, стал шастать туда-сюда. От дерева к дереву. Сначала я думал, что Кики просто рехнулся. Но потом я догадался.

Кики здесь не просто шел, Кики убегал. Запутывал следы. Бакс остановился и зарычал. Мне это совершенно не понравилось. День перестал быть солнечным и беззаботным. И я перестал быть беззаботным, я похлопал Бакса по загривку, и мы двинулись дальше.

Мы обогнули остатки кирпичной стены и вы-шли в заросшую липовую аллею. В аллее Кики заметался еще сильнее. Отчаянно заметался, даже мох кое-где лапами повывидал.

Я шагал медленно, настороженно. Странно, но Бакс, обычно такой веселый и жизнерадостный, как-то сжался и тащился рядом, к тому же постоянно оглядываясь на меня.

Аллея заканчивалась трехсотлетней липой. Там, возле этой толстой черной липы, Бакс остановился.

– Вперед, – приказал я.

Но пес не сдвинулся.

– Вперед! – повторил я.

Бакс зарычал, и его шерсть встала дыбом.

Я оглянулся. Никого.

– Двигай... – сказал я уже не так уверенно.

Бакс пригнул морду к земле. Он рычал и не трогался с места.

Такое я видел уже во второй раз. Вернее, в третий.

Скорее всего возле этой черной липы преследователь догнал Кики.

Первый раз Бакс вот так же остановился три года назад.

В наш город, ну, туда, где располагался мой очередной детский дом, приехал бродячий зверинец. Нас повели всем классом смотреть на животных, детишки, общаясь с животными, становятся добрее и лучше. Я обрадовался, но сказал, что пойду вместе с Баксом, ему тоже будет полезно посмотреть на животных. Наш воспитатель сразу же сказал, что это невозможно, при виде Бакса звери будут нервничать. Я целый день убеждал директора, что Бакс спокойный и ни с кем ругаться не будет. Нас пустили. С утра к крыльцу подогнули автобус, все ребята дружно погрузились, и мы отправились на экскурсию.

Передвижной зоопарк расположился на рыночной площади прямо напротив Дома культуры. Мы купили билетки с детской скидкой и двинулись вдоль клеток.

В первой клетке сидел волк. Я испугался, что волк, увидев Бакса, сразу кинется на решетку, но волк остался равнодушен. Бакс же тихонько заскулил и прижался к моим ногам. Одна девочка сказала, что волк, совсем как собачка, и совершенно не страшный, но я-то видел, что это не так – в глазах у волка жила ненависть, волк был опасен, волк ждал.

И в случае чего волк ни за что не упустил бы своего шанса.

Дальше мы встретили дикого кабана, и он тоже был опасен. Оленя со спиленными рогами и северного оленя, который от теплого климата весь полинял и был похож на неопрятную овчарку-переростка.

Хуже всех был крокодил. Он лежал в полуденной отключке, судя по запаху, обожравшись какой-то тухлятины.

Зебра. Зебра оказалась похожа на обычную полосатую лошадь.

После зебры были енотовидная собака и лев. Собака не стала на нас смотреть, а лев посмотрел. Это был совсем маленький и усталый лев, я представлял львов совсем другими. Потом я понял, почему лев такой – я заметил на полу клетки крошки, льва кормили хлебом, и поэтому он был такой худой. Одни глаза и грива. Глаза большие.

Там еще были страус, водная змея анаконда в каком-то искусственном болотце, павиан, он мне не понравился. Зубр с зубренком. Мы шагали вдоль всех этих животных, и мне было их жалко.

А в самом конце ряда клеток Бакс вдруг остановился и зарычал. Как я его ни толкал и ни дергал, Бакс не двигался, и мне пришлось хлестнуть его по спине поводком. Бакс неохотно поплелся за мной.

Это была пантера. Она была больна. В боку у нее совсем не было шерсти, торчало наружу мясо, а по нему ползали жирные черные мухи. Пантера их даже не сгоняла. Может,

она устала, а может, ей было уже все равно.

Я не стал на это смотреть, а наш директор спросил, почему администрация не принимает никаких мер. Служитель сказал, что пантера никого к себе не подпускает, а дать ей снотворное нельзя – сердце может не выдержать. Вот так. Директор стал возмущаться и говорить, что будет жаловаться, что так обращаться с животными нельзя, что не пройдет и двух дней, как их зверинец будет закрыт... Служитель молчал.

После этого мы сразу же уехали домой. Настроение у всех было плохое, и мы всю дорогу молчали. А вечером по местному радио передали, что пантера убежала.

Организовали облаву. Десять человек с ружьями и собаками зашли к нам в детский дом и сказали, что они собирают всех служебных собак и им нужен Бакс. Я сказал, что Бакс без меня не пойдет, директор подумал и отпустил нас, выдал мне плащ и сапоги. Потом я понял, что для облавы им не требовались служебные собаки, им нужна была сила, они хотели послать кого-нибудь вперед.

Облава рыскала по окрестностям нашего приюта. Впереди сеттер⁷ и две борзые. Люди с ружьями бежали за ними, а мы с Баксом были пока сзади. Сеттер сделал стойку и повел в овраг. Он повизгивал, дрожал и вообще психовал. Еще бы, это не уток на болотах тиранить. Бакс смотрел на него с удивлением, он пока ничего не чувствовал, у сеттера нюх

⁷ Сеттер – порода охотничьих собак.

был острее и тоньше.

– Нашел, – руководитель облавы оттащил сеттера и кивнул мне, – запускай своего убийцу.

Я отщелкнул с ошейника Бакса карабин.

– Бакс! Вперед! Ищи!

Бакс посмотрел на меня, я кивнул, и мой пес понесся по запаху с грозным рычанием. Я хотел было побежать за ним, но взрослые отстранили меня и вошли в овраг первыми.

Пантера умирала. Она лежала и смотрела на нас. Половину ее правого бока занимала огромная рана, кишащая желтыми червями. Они копошились в воспаленном мясе и жрали пантеру еще живую. Наверное, она уже ничего не чувствовала. Я надеюсь.

Бакс чихнул и поморщился. Он посмотрел на меня, спрашивая, что ему делать.

– Стой пока, – велел я.

Бакс заскулил. Я положил руку ему на голову. Вокруг был запах.

Этим кошмарным запахом было пропитано все вокруг. И я догадался, что это пахнет не пантера. Пантера пахла по-другому – обычная сухая шерсть, даже я его слышал. Но другой запах был сильнее. Он перебивал запах зверя.

И я понял, что это был за запах.

Смерть.

Бакс рычал и жался к ногам.

Где-то за спиной лаял безмозглый коричневый сеттер.

Бакс дыбил шерсть и продолжал рычать.

– Вы что, не видите? – спросил я у взрослых. – Она же...

Мне было страшно. Первый раз в жизни я боялся смерти.

– Не бойся, – сказал я тогда пантере...

Над моей головой бумкнул выстрел. Пуля попала ей в глаз. Пантера дернулась и перевернулась на спину. Я оглянулся на стрелявшего – это был служитель из зверинца, тот самый. Он пристрелил пантеру: нет пантеры – нет проблем.

Запах разросся и затопил весь овраг, я не вытерпел и выскочил наверх. Бакс пыхтел за мной.

Теперь у черной вековой липы я слышал этот запах снова.

Глава V

Прибытие

Вы верите в предчувствия? Я верю. Стоя перед липой на вершине холма, я уже знал, что эта история закончится для меня плохо. Как если бы с горы сорвался огромный камень и покатился вниз, и я чувствовал, что рано или поздно этот камень меня раздавит. Куда бы я ни убегал, где бы я ни спасался.

Белобрысый принес мне самую первую газету. Большими буквами заголовок «Чудовище». На фотографии под надписью я. Видимо, это был тот момент, когда меня взяли. Лицо у меня перекошено от боли и ярости. Выглядит страшно. И почти вся газета про меня. В основном, конечно, про то, что случилось. Я прочитал. Правда, запомнил только передовую статью.

Она была написана скверным газетным языком, сразу видно, что автор привык сочинять не статьи, а рекламную чушь для городского электрического завода.

«Даже выдавшие виды работники милиции были удивлены жуткой сценой, разыгравшейся в одном из коттеджей городского пригорода. Около часа дня на пульт дежурного поступил вызов. Соседи слышали из-за изгороди страшные крики и вызвали милицию.

Прибывший патруль был буквально парализован страхом.

Место преступления напоминало декорации к фильму ужасов. К сожалению, в интересах следствия мы не можем раскрывать все детали. Да, честно говоря, и не хотим. Подробности совершившегося настолько ужасны, что могут повергнуть в состояние шока даже самого черствого читателя. Достаточно сказать, что один из приехавших милиционеров помещен в специальную клинику с нервным срывом.

Первой же мыслью оперативных работников была мысль о маньяке. Всем известно, что в последние недели в нашем городе участились случаи нападения на подростков. Пострадавшие не могли внятно описать внешность нападавшего, но все как один утверждали, что от него ужасно пахло, и все говорили про острые зубы. Высказывались мнения, что эти нападения – дело рук психопата. Однако после первых же следственных действий, после осмотра места происшествия стало ясно, что это чудовищное злодеяние совершил не человек.

Вернее, не только человек. Преступление было совершенным...»

Дальше рассказывалось, как наша доблестная милиция моментально прореагировала на совершившееся злодеяние, как она взяла след, как меня быстро нашли. Как я оказал сопротивление, но был обезврежен.

Белобрысый с удовольствием прочитал эту газету вслух, а затем прилепил ее на стекло двери в мою камеру, с обратной стороны. Видимо, для того, чтобы я как следует мучался.

Но я не мучаюсь. Теперь, сидя в этой комфортабельной клетке, я много думаю. О выборе. Что выбор есть почти всегда. Всегда можно уйти, а можно остаться. Можно шагнуть вперед, а можно назад. Я все-таки шагнул вперед. Это было тяжело. Это, наверное, всегда тяжело. Тогда я стоял на вершухе холма и думал приблизительно об этом же.

Итак, я стоял почти на самой вершухе холма. Мне хотелось снова убежать и где-нибудь спрятаться. Чтобы не нашли. Судя по морде Бакса, он испытывал такие же чувства.

Но мы не убежали. Я был большим, умным и сильным, я понимал, что страх – он в голове, а значит, с ним можно справиться. Поэтому я пошел дальше.

Через сорок шагов я оказался на вершухе холма.

Справа сквозь листья блестело озеро. Мне даже почудилось, что я слышу запах жареной рыбы с набережной. Бакс, кстати, тоже облизнулся. Я бы с удовольствием посидел тут, наслаждался бы тишиной, послушал бы озеро и крикливых чаек, но мне надо было все узнать, и я пошагал вниз, на другую сторону.

Скоро я обнаружил и другие следы, для этого даже чутье Бакса не понадобилось. На земле и на стволах некоторых лип виднелись клоки кошачьей шерсти. Кики волокли.

Мы двинулись дальше.

Более-менее проходимый лес закончился, и начались густые кусты, настоящие джунгли. Пробираться сквозь них бы-

ло тяжело и неприятно. Все кусты были в шерсти Кики, она забивалась мне за шиворот и лезла в нос, отчего хотелось чихать. На некоторых кустах эта шерсть была красной.

Бакс морщился.

Потом мы вышли на полянку. Полянка была небольшая, шагов двадцать в диаметре. В центре рос тополь. Высоченный, как все дикие тополя. К тополю был прибит гвоздями Кики. Мертвый и как-то высушенный, будто это был не настоящий кот, а набитое опилками чучело.

Бакс зарычал.

Я огляделся и прислушался. Бакс тоже понюхал воздух. Он продолжал морщиться, но явных признаков беспокойства не выказывал. Все было тихо. Тогда я подошел поближе и рассмотрел тополь получше.

Сначала я думал, что Кики прибили, чтобы сильнее помучить. Но потом понял, его прибили, чтобы он не дергался – нижняя челюсть у Кики была вырвана, отчего морда у него стала какая-то вампирская. Еще под деревом лежали несколько мертвых птиц, ворон. Вороны были распотрошены, перья грязными кучками рассыпаны рядом.

Меня затошнило. Я отвернулся и закрыл глаза. Подождал, пока желудок успокоится. Бакс вообще не смотрел в сторону дерева.

Я оглядел это место еще раз. Я надеялся, что Кики поймали местные хулиганы или бродяги, или просто какие-то подонки, мучители животных, но следов людей не было. А

люди оставляют следы.

Кики поймало и убило что-то другое. Я развернулся и побежал к дому.

Я бежал быстро, изо всех сил, стараясь выкинуть из головы мысли и воспоминания, пытаюсь избавиться от осевшего в легких запаха гнилой листвы и кошачьей шерсти. Но мысли все равно меня не оставляли. Теперь я знал, что в этом городке появилось нечто, чего раньше здесь не было.

Дома продолжались поиски Кики. Вернее, Кики искала одна Ли. Она ходила по саду с фонариком и периодически звала: «Кики, Кики, ты где?» Но Кики не отзывался, не мог отозваться. Кики сейчас отдыхал, прибитый гвоздями к тополю. Я подошел к Ли.

– Вы так и не нашли Кики? – спросила она у меня.

Я покачал головой.

– Куда запропастился этот уродец? Найду – шкуру спущу. И тапочки из нее сделаю с бубончиками. Ма весь день в расстройстве.

Ли легонько топнула ногой.

Я подумал, что вряд ли теперь шкура Кики будет пригодна для изготовления тапочек. Пожалуй, при определенной фантазии из него можно будет приготовить несколько приманок для рыбной ловли, но не больше.

– Ты не хочешь его еще поискать? – спросила Ли.

Искать снова Кики мне не хотелось.

– Какой ты вредный сегодня. – И Ли как всегда хлопнула

по носу Бакса.

Бакс думал о чем-то своем и поэтому легко увернулся от руки Ли.

– И ты, Бакс, вредный сегодня, – надулась Ли. – Не хотите мне помогать, идите ужинать, а я тут еще поброжу. Подумаю.

Ли снова отправилась в яблони. А мы отправились к веранде.

На веранде отдыхали за вечерним чаем Ма и Па. Па дымил трубкой, Ма наслаждалась пассивным курением. Я поднялся на веранду и устроился за столиком. Бакс заполз под скамейку.

– Явились, – улыбнулась Ма. – Целый день где-то болтались, а теперь вот явились.

– Все в репьях, заметь. – Па выпустил дым.

– Мы Кики искали, – сказал я. – Всю округу облазили, ничего не нашли.

– Жаль, – сказал Па, но я-то видел, что ему ничуть не жаль.

– А ты, Бакс, тоже ничего не нашел? – спросила Ма. – А, бездельник?

Бакс увкнул.

– Понятно. – Ма кинула Баксу печенье, и эта продажная шкура проглотил его в мгновение. – Ничего не нашел, зато в грязи весь перемазался. Вот тебя Изольда-то пылесосом!..

При слове «пылесос» Бакс недовольно заворчал.

– Такая серьезная собака, а пылесоса боится, – сказал

Па. – Ладно, впрочем... О чем это мы говорили?

– О Римме.

– Ага. – Па выбил трубку. – История получилась нехорошая, должен тебе сказать. Но мы не виноваты, мы только неделю назад узнали о существовании этой девочки.

– Она нам родственница, кажется? – спросила Ма.

– Дальняя. Она с моей теткой троюродной жила, на Урале где-то. А потом все это и случилось...

– Что?

Па промолчал.

– Что случилось-то? – спросила Ма.

Тут я понял, что Па не хочет говорить при мне, и удалился, сказав, что пойду посмотрю, что делает Ли. На самом деле я просто зашел за угол и стал слушать. Не знаю, почему я тогда так сделал, что-то меня насторожило, что именно, я сам даже не понял.

Па рассказывал:

– ...ну, в общем, она с собой покончила. У нее нашли болезнь, и она не выдержала. Она с ума просто сошла. И все это произошло на глазах у Риммы...

– Ужасно как, – произнесла Ма.

– Ужасно, – согласился Па. – А перед тем как повеситься, она пыталась убить девочку. Она так к ней привязалась, что решила не оставлять Римму одну. И хотела ножом... Какой шок для ребенка, только представь! А после смерти тетки Римму передали на попечение в одну семью, тогда еще не

знали, что у нее родственники есть...

Па помолчал, из-за угла выплыло облако дыма, и я понял, что Па снова раскурил трубку. Неожиданно на озере загудел катер, и я не услышал, что сказал Па. Я подвинулся чуть поближе.

– ...гуляли вдоль дороги, – говорил Па. – Их грузовиком сбило. Обоих. Даже в закрытых гробах хоронили. Очень сильно были...

Снова рывкнул катер.

– ...так и не нашли. А тут и мы отыскались, единственные родственники.

– Бедная девочка, – прошептала Ма.

– Да уж, – согласился Па.

– Лизе только не говори! – напомнила Ма.

– Понимаю. – Па вздохнул. – С утра вот оформлял опеку. Теперь мы – ее семья.

– Я всегда хотела троих детей, – сказала Ма. – Как раз будет.

– Точно. Сейчас поеду забирать.

Я услышал стук выбиваемой трубки и с невозмутимым видом вышел из-за угла.

– Ну что, Бакс, поедешь со мной на машине кататься? – спросил Па.

Бакс был готов ехать куда угодно, но Ма воспротивилась.

– Нечего его брать, – сказала она. – И так девочка натерпелась, а ты еще ее испугать хочешь. Вон у него морда какая

хищная.

– А ты не хочешь со мной съездить? – спросил у меня Па.

– Не, – ответил я. – Меня в машинах укачивает.

Бакс разочарованно вздохнул.

– Ну, тогда один поеду.

И Па отправился в гараж. Ма достала свои сигареты и закурила тайком от Па.

– А вы чего смотрите? – прикрикнула она на нас. – А ну, быстро в сад!

Мы с Баксом отправились в сад. Бакс сразу же завалился под свою яблоню и захрапел, сегодня мы хорошо погуляли, и он устал. Он все-таки не очень выносливая собака, сильная, но не выносливая.

Впрочем, я решил последовать его примеру и лег под яблоню с другой стороны, только не на землю, а на надувной матрас. Сначала я никак не мог уснуть, потом меня разморило, к тому же храп Бакса звучал весьма усыпляющее, совсем как шум дождя. Я уснул и увидел мир сквозь закрытые веки, мир был золотист и прекрасен.

Проснулся оттого, что у ворот сигналил Па. Бакс тоже проснулся, и мы побежали посмотреть, что случилось.

Машина Па стояла на улице, он сам мялся перед воротами и пытался открыть их вручную. Автоматика ворот почему-то не сработала, и Па никак не мог сдвинуть решетку в сторону. И вдруг ворота сдвинулись и пребольно ударили Па по лбу. Он ойкнул и упал на асфальт. Ворота остановились, а потом

стали двигаться снова. Прямо на Па. А он сидел на асфальте, смотрел на решетку и пытался закрыться от нее руками.

Я растерялся, просто стоял и смотрел.

Тут к Па вдруг прыгнул Бакс, он схватил Па за шиворот и оттащил в сторону. Ворота захлопнулись.

– Молодец, Бакс. – Па потрепал пса по загривку. – Выручил. Сегодня все пирожные тебе...

Бакс лучился от счастья и радости служения.

Я вышел через калитку на улицу, подошел к машине Па и заглянул внутрь.

На заднем сиденье автомобиля сидела девочка лет десяти. Она была худая и бледная до синевы. Волосы белые. Девочка не обратила на меня никакого внимания, посмотрела сквозь. И тут же я почувствовал, как ноги мои задрожали, а спине стало холодно и неуютно. Потому что я увидел...

На лице девочки, пустом и невыразительном, ясно читался знак.

Глава VI

Ночь на яблоне

Зима. Уже поздно. За стенами кочегарки пурга, мы сидим на длинной скамейке, греемся у бойлера, дуем чай из берестяных кружек и слушаем. Сухой ворочает в топке длинной кочергой, щурится от жара. Захлопывает дверцу, устраивается в самодельном, из большого пня кресле, смотрит на нас, потом запускает свою очередную историю:

– Когда я был маленький, пацаненок совсем, даже еще меньше вас, к нам в деревню пришел человек. Худой такой, бледный, еле живой. Его накормили, в бане попарили. А это давно было, сразу после войны, мужиков поубивало, а кто еще не успел вернуться, в деревне одни бабы да ребяташки. Ну, бабы обрадовались, руки рабочие всегда нужны, поселили его в избе председателя, одежду кое-какую собрали, поесть тоже. В деревне одна старуха жила, совсем из старых, богомольных старушек, она бабам и говорит, вы что, не видите, кого приютили? У него же на лице печать. Бабы смеются, какая еще печать – райповская или сельповская? А старуха опять: вы гоните его, пока не поздно, это не человек совсем. Поздно будет, кровушки попробует – не выгоните. Бабы не послушали, человек этот и остался. И в ту же ночь в одной избе женщина умерла. Никаких признаков, просто умерла, и все. Дочку ее стали спрашивать, что с мамкой слу-

чилось, не приходил ли кто? Дочка и отвечает, да, приходил и сказал, что, если кому скажешь, завтра и за тобой приду. Пытали ее, пытали, да она так ничего и не сказала. Молчала. В следующую ночь все заперлись на все замки, топоры с собой взяли, вилы. И стали ждать. Не дождались. А поутру еще одна женщина умерла. Все испугались. Я пошел гулять, иду по улице, а навстречу как раз этот человек идет. Румяный такой стал, круглый, красивый. И мне улыбается. И что-то в этой улыбке мне так не понравилось, не знаю просто... Я сам не свой стал, иду, не вижу куда. И прямо к дому старушки этой пришел, что всех предупреждала. А она меня будто ждала. И говорит, видел, мол, на лице у человека печать? Знак то есть? Я отвечаю, нет, не видел. Старуха говорит, запоминай и, если сможешь, расскажи другим. Если нос, глаза, брови и скулы образуют фигуру...

Сухой подбрасывает в топку дрова, шурует кочергой и, когда становится светлее, показывает на своем лице, какую фигуру должны образовывать нос, глаза, брови и скулы. Затем говорит:

– Это знак. У этих тварей челюсти не как у людей, кто знает, почти сразу может их опознать. Я спросил у старушки, что же это за человек-то такой, а она ответила, что это не человек вовсе. Тогда я сказал, что встретил его, а он мне улыбнулся. Старушка испугалась и стала надо мной что-то шептать, а потом достала бумажку и давай на этой бумажке писать закорючечки. Написала и сунула мне. И спросила,

есть ли дома оружие какое. Я ответил, что есть. Бабка меня тогда научила, что надо делать. Это лесной человек, сказала она. Он живет в лесу и охотится на лесных животных, а когда их становится мало, он выходит к людям. И они умирают. А тот год как раз был бедным, и голодным, и жарким. И страшным.

Сухой снова добавляет в печку полено, мы сидим и слушаем.

– Я сделал все, как нужно. Я полез в погреб и достал обрез, еще дедовский обрез был, хороший. Патроны достал. И на каждой пуле иголкой выцарапал те самые закорючки, что старуха на бумажке записала. Один в один выцарапал, затем зарядил в магазин все пять патронов. Спрятал обрез под кроватью и стал ждать. А потом я уснул. Проснулся от такого тихого поскребывания. На улице скребут, слышу, смотрю, а мать сидит за столом в темноте и тоже ногтями по столу водит. И в сторону двери смотрит. Тогда я взял обрез и выстрелил прямо через дверь.

Нам страшно. Кажется, что там, за стенами, бредет сквозь снег ужасный лесной человек, что он стучится в чьи-то двери, и люди, не знающие, кто он, впускают его в дом и наливают горячего чая.

– Как только рассвело, мы с матерью утащили его к омуту. От самого нашего дома до омута по траве тянулась черная полоса – у этой твари была черная кровь. Мы кинули его в воду, но он не тонул, плавал, как поплавок. Пришлось

бежать за багром и доставать его обратно. Я привязал к ногам его жернов и скатил в воду. Даже жернов не помог, эта тварь продолжала держаться на поверхности. Тогда мы достали его, обложили смолистым лапником и сожгли. Он горел долго, мне приходилось бегать к опушке и срубить новые елки. Пуля с закорючками торчала у него прямо из черепа, я не стал ее вынимать. А теперь запомните, все, кто сидит здесь и слушает меня, если вы увидите человека с лицом...

Я вспомнил рассказ Сухого, мгновенно вспомнил, едва только разглядел через голубоватое стекло автомобиля Па лицо Риммы.

На следующий день Ли и Римма отправились гулять в город. Па уехал на работу, Ма с соседкой отправились в спортклуб. Дома остались я, Бакс и Селедка. Селедка возилась на кухне, Бакс общался с кроликами. Я вошел в гостиную, постоял несколько секунд, послушал. Наши комнаты располагались на втором этаже. Я быстро взбежал по лестнице. Бежал я правильно – по самому краю ступенек, чтобы не скрипели, и Селедка меня не услышала.

Комната Ли была первой. Я нажал на ручку, дверь открылась, я проскользнул внутрь.

В комнате Ли как всегда беспорядок. На стенах плакаты каких-то бессмысленных певцов, на подоконнике фикус, который Ли упорно переделывает в бонсай.⁸ Все, как обычно.

⁸ Бонсай – декоративное дерево.

Следующая комната Риммы. Толкаю дверь, вхожу. Полный порядок.

Я осмотрел комнату повнимательнее. Порядок. Даже постель вроде бы не помята. Она что, стоя спала? Или не спала вовсе? Обошел комнату несколько раз и ничего не обнаружил. Комната имела абсолютно нежилой вид. Меня несколько заинтересовало окно. Я специально подошел и изучил подоконник. Окно недавно открывали. Под рамой была зажата ночная бабочка, она даже не успела высохнуть. Римма приехала вчера. До нее комната была заперта. Значит, окно открывали сегодня ночью. Вполне могло быть, что Римма просто дышала ночным воздухом, слушала ветер с озера...

Я вышел в коридор и спустился вниз.

В гостиной меня поджидала Селедка. Селедка сметала пыль, а на самом деле следила за мной.

– Чего по коридору шастаешь? – спросила она. – И так от твоего пса шерсти по всему дому! Хоть шапки катай! Поназаводят всяких...

– Носки из собачьей шерсти очень полезны, – сказал я. – От ревматизма помогают...

– Не порют вас сейчас. – Селедка погрозила мне метелкой. – А надо пороть, это хорошо...

Она выглядела весьма самоуверенно, и я решил ее немного пугнуть, так, для порядку.

– Знаете, Изольда Петровна, – сказал я, – у нас ведь в районе маньяк появился.

Селедка насторожилась и зашарила свободной рукой в кармашке, я подумал, что у нее там наверняка газовый баллончик.

– Он на одиноких женщин нападает и защекачивает их до смерти, – продолжил я.

Селедка вздрогнула и опасно посмотрела на дверь.

– Предварительно перемазав их... рыбьим жиром!

И я отправился обдумывать свои дела. Не знаю почему, но мне вдруг захотелось этой ночью последить за комнатой Риммы, посмотреть, как она спит.

Римма и Ли вернулись уже под вечер. За ужином Ли рассказала, что они заглянули в мороженицу и съели по три порции: шоколадного, ванильного и с карамелью. Вернее, это она съела, поскольку Римма ничего заказывать не стала.

– Я не люблю мороженое, – объяснила Римма. – Я мало ем.

– И правильно делаешь, – сказала Ли. – А я вот люблю мороженое и уже в прошлогодние джинсы не влезаю.

Это Ли просто на комплимент напрашивалась. Она прекрасно влезала даже в позапрошлогодние джинсы, но очень любила, чтобы ей это все говорили.

После ужина девочки отправились в гостиную смотреть телевизор, Бакс попросил разрешения и потащился за ними. Па и Ма скрылись в своей спальне, она находилась в противоположном конце дома. Я вышел на улицу. Часа два я слонялся по саду и ждал. Потом в окнах на втором этаже зажег-

ся свет, и я медленно двинулся к дому.

Сначала я хотел сесть на траву, прямо напротив комнаты Риммы. Но потом выбрал еще более удачную позицию. Яблоня, под которой я устроил наблюдательный пункт, оказалась старой и ветвистой, я изловчился и взобрался на толстую ветку в трех метрах над землей.

С ветки открывался прекрасный вид на окна девочек. Римма и Ли не спали. Сначала они сидели у Ли и рассматривали какие-то журналы, затем Римма вернулась к себе. Ли еще почитала немного и выключила свет. Римма спать не ложилась. Она сидела перед окном и смотрела в сад. Как кукла. Не двигаясь, не моргая, может быть, даже не дыша.

А потом что-то случилось с моими глазами, будто попало в них что-то, я моргнул, а когда открыл глаза, обнаружил, что Риммы в окне больше нет.

Я огляделся по сторонам. Риммы не было нигде в пределах видимости. Она исчезла, растворилась в ночной тьме.

Тогда я посмотрел вниз.

Она стояла прямо подо мной и смотрела.

Сухой рассказывал про такую штуку, но самому мне сталкиваться с этим не приходилось. Некоторые умеют на мгновение наводить затмение на глаза наблюдателя. Вот только что вы их видели, а потом бац – и их нет, а они сами уже рядом, как будто мгновенно переместились из одного места в другое. Я слышал, что такую способность можно у себя развить, но никогда не встречал никого, кто бы этим искусством

обладал.

Римма, видимо, владела.

Она стояла и смотрела на меня. Она положила руку на ствол дерева, и я видел, как странно шевелятся на яблоневом стволе ее пальцы. Они двигались самостоятельно, как короткие подвижные черви, они хотели оторваться от ладони и подняться по шершавой яблоневой коре ко мне... Я закрыл глаза и быстро их открыл. Пальцы как пальцы. Привиделось. Привиделось...

Римма положила на яблоню вторую руку. Зрачки ее резко сузились и превратились в длинные щелочки, а может, это снова мне померещилось...

Запах, тот самый запах, вонь мертвечины, ударил меня снизу и сбил дыхание. Я пополз вверх по ветке, мне было так страшно, что я, наверное, мог бы забраться на самую тонкую ветку, если понадобилось бы.

Но вдруг Римма убрала руки с дерева. Она опустила голову, мне показалось, что она к чему-то прислушивается. Я тоже послушал. Ночь как ночь. У озера только что-то гудело.

Римма развернулась и пошла в сторону изгороди. Я остался один.

Я не слезал с дерева до тех пор, пока мои руки не одеревенели и не задрожали, так что я уже не мог толком держаться. Сад был насквозь пропитан этой вонью, мне казалось, она исходила от каждого дерева, от каждой травинки. Голова у меня закружилась, меня замутило, мне стало страшно и хо-

лодно, и я вернулся домой.

Всю ночь я провел возле двери. С ножом в руках. Я не спал, но, как вернулась Римма, я не слышал.

Глава VII

Прятки

Мне это до сих пор снится. И, наверное, будет сниться еще долго. Прятки.

Под ногами земля, над головой доски с занозами. Сквозь щели просачивается пыльный солнечный свет. Лучи падают почему-то под разными углами, образуют причудливую многоугольную сетку. Пахнет ветошью и грибами. Я слушаю.

Шаги. Медленные, тяжелые шаги над головой. От каждого шага доски прогибаются и осыпают мне на голову какой-то колючий прах. Шаги направляются ко мне. Бакс. Шерсть у него на загривке поднимается, спина начинает дрожать. Шаги останавливаются прямо над нами. Я уже не дышу.

Голос.

– Вы проиграли.

Смех.

– Вы проиграли.

Смех становится ближе, солнечные лучи гаснут один за другим, сквозь щели наваливается мясной гниющий смрад...

Я дергаюсь и просыпаюсь.

Возле двери с той стороны стоит Белобрысый.

– Что, кошмары мучают? – неожиданно сочувственно спрашивает он. – Бывает. После того, что ты натворил, и

должны кошмары мучить. Так что не удивляйся.

А я и не удивляюсь.

Белобрысый открывает дверь и входит. В руках у него поднос, он ставит его на стол, пододвигает мне миску с какими-то бобами в томатном соусе. Я секунду думаю, потом запускаю в миску ложку и начинаю хлебать. Бобы ничего, вкусные. И наверняка очень полезные. Белобрысый смотрит на меня. Потом включает телевизор.

– Смотри-ка. – Белобрысый переключает каналы. – Это все из-за тебя. Целая передача.

Передача была не из приятных. Телекамера снимала анти-собачью демонстрацию. Народу было немного, человек, наверное, двадцать. В основном женщины, мужчин мало.

Впереди шагал здоровенный дядька в кожаной куртке. Этот дядька тащил на поводке испуганную упирающуюся собачку, такую же, как Бакс. Только там, у них была сука. Не знаю, что они с этой собакой собирались делать и в чем она провинилась, может, тяпнула этого здоровяка за ляжку, не знаю. Но вся эта компания была настроена весьма решительно – лица озлобленные, у многих плакатики в виде дорожных знаков: собачья голова, перечеркнутая красной полосой. А у некоторых были даже транспаранты с надписями «Остановим собак-убийц». И фотографии каких-то детей. А у одной женщины в рыжей куртке в руке была табличка. На одной стороне было нарисовано число «594», а на другой «загрязненных в год». Где она нашла столько загрязненных в год, не

знаю. Скорее всего она эту цифру просто выдумала. И эта тетка поворачивала свою табличку то так, то сяк, и эти надписи упрямо скакали у меня перед глазами.

То и дело кто-нибудь выскакивал из этой толпы и пинал собачку ногой или лупил палкой. Псина была так напугана, что даже не огрызалась, только взвизгивала при каждом тычке. Вся эта куча людей тащилась чуть ли не по главной улице незнакомого мне города и явно собиралась добраться до его центра, как вдруг наперерез им вышла точно такая же с виду толпа. Такие же женщины, мужчины и немного детей. Судя по тем плакатам, которыми вооружился этот народ, это были зеленые, защитники собак и животных вообще. Плакаты были такие же неоригинальные. Добрые собачьи морды с печальными глазами, надписи «Остановим убийц!» и «Вы же люди!». Многие несли плюшевых собак.

Демонстрации остановились друг напротив друга и принялись скандировать каждая свое. Из-за поднявшегося шума разобрать что-то конкретное было сложно. Но они старались, от души старались. Между ними на свободном асфальтовом пространстве металась обезумевшая от всего происходящего псина породы Бакса. Мужик удерживал ее с большим трудом, хотя собака была не из крупных, видимо, не очень хорошей линии. Вдруг кто-то выскочил из толпы с бутылкой...

Белобрысый взял пульт и принялся листать каналы. Он спустился до первого, потом стал двигаться назад, когда на

экране снова возникли демонстрации, Белобрысый остано-
вился.

– Жалко, – сказал он. – Самое интересное пропустили.

Ситуация на экране изменилась, демонстрации слились друг с другом, и теперь собаколюбы и собаконенавистники, смешавшись, стояли кольцом, в центре которого что-то дымилось. Они смотрели на черный дымящийся комок. Никто не расходился. На этом трансляция прекратилась, и ведущий задал зрителям тупейший вопрос: «Что делать? Что делать со взбесившимися животными?»

Я отвернулся от экрана и занялся тем, чем я занимался все последнее время. Я стал вспоминать.

Белобрысый постоял еще минуту, похмыкал и вышел.

В тот день я испугался. В тот день я серьезно задумался.

Была суббота. С утра Па и Ма уехали за покупками. У Се-
ледки был выходной. В доме оставались Ли, Римма и я. Бакс
еще. Ли приставала ко мне и звала играть в прятки. Мне не
хотелось. Я еще помнил, как смотрела на меня, стоя под де-
ревом, Римма, и настроение играть во что-либо улетучива-
лось. Бакс же был не против поиграть, но он права голоса не
имел как существо неполноценное и глупое.

А Ли было скучно. И она продолжала ко мне приставать
до тех пор, пока я не устал и не спрятался от нее в кустах.
Тогда Ли обратилась к Римме.

– Давай поиграем в прятки? – предложила она.

– Как это? – не поняла Римма.

– Ты что, раньше никогда не играла? – удивилась Ли.

– Нет.

– Ну, ты даешь! – Ли схватила Римму за руку. – Это просто. Я спрячусь, а ты меня будешь искать. А затем ты спрячешься, и я буду тебя искать. Сыграем по разику, а потом уже неинтересно будет. Тогда что-нибудь другое придумаем. Хорошо?

– Хорошо.

– Я первая прячусь! А ты считай до ста.

Ли по детской народной традиции стукнула Римму по плечу и побежала прятаться. Я прекрасно знал, куда спрячется Ли, мы играли в прятки сто раз. Поначалу Ли собиралась укрыться в будке для садового инвентаря, она всегда там пряталась, но потом передумала и побежала дальше. Обогнула дом, на секунду задумалась и залезла под крыльцо.

Я повернулся к Римме.

Римма считала. Я видел, как шевелятся ее губы. Пятьдесят три, сорок восемь, двенадцать...

Ко мне подошел Бакс. Он улегся на траву и стал выгрызать из ногтей занозу. Он делал это усердно и с явным удовольствием, как самая настоящая модница.

А потом произошло то, что я вспоминаю со страхом даже теперь. Ветер, дувший на меня со стороны Риммы, резко изменился. На меня понесло зверинцем, заехавшим в мой старый город четыре года назад. Бакс заволновался, вздыбил

шерсть. Вонь усиливалась. И тут я увидел...

Римма нюхала воздух. Ее верхняя губа задиралась вверх, а нос быстро-быстро дергался, настраиваясь на запах. Сначала я решил, что она тоже почувствовала эту чертову вонь, но потом понял, что она вынюхивает Ли. Так охотничья собака вынюхивает дичь. Все туловище Риммы подалось как-то вперед, будто устремляясь за этим жадным носом, Римма поворачивалась справа налево и медленно приседала. Мне было ясно, зачем она это делает, я был прекрасно знаком с этими звериными повадками, Римма уже прокачала верхние слои воздуха и теперь собиралась проанализировать нижние. Взять след. Так обычно работает хорошая гончая. Бакс тоже так делает, когда охотится на лягушек.

Римма опускалась на четвереньки. Запах становился невыносимым, я задыхался, но уйти не мог, я боялся даже пошевелиться.

Из высокой нескладной девочки Римма быстро превращалась в какое-то существо.

Бакс бесился рядом. Одной рукой я зажимал ему пасть, чтобы он не зарычал, другой держал за ошейник, с трудом держал.

Римма опустилась на траву. Теперь она походила на длинную худую лягушку... Зубы ее выдвинулись вперед. И Римма пошла по следу.

Я рванул вокруг дома. Бакс за мной.

Римма огибала дом справа, мы двигались слева. Не знаю,

за сколько я обежал наш коттедж. Мне кажется, я установил рекорд своей возрастной группы, если бы впереди меня пустили русского хорта,⁹ я бы от него не отстал.

Я влетел под крыльцо, отыскал Ли и сел рядом с ней. Бакс втиснулся между нами.

– Эй! – Ли принялась меня выталкивать. – Валите-ка отсюда! Из-за вас меня найдут! Давай, сундук, вали отсюда...

Она толкала Бакса в бок, но он не двигался с места. Риммы не было видно.

– Тихо ты. – Я приложил палец к губам. – А то на самом деле найдут.

Ли надулась и замолчала.

Я смотрел сквозь щель в досках. Ветер был от нас, он продувал крыльцо насквозь, я прекрасно понимал, что Римма теперь знает, что Ли не одна, что я с ней рядом. Что Бакс с ней рядом. И от этого Римма стала гораздо опаснее.

Ли принялась меня щипать и щекотать. Я терпел. Тогда она взялась за Бакса. Она шелкала его по носу и чесала переносицу, Бакс тоже терпел, не чихал.

– Я нашла вас, – сказали сверху. – Вы проиграли.

Я вздрогнул. На доски легла тень, сквозь щели просочился запах. Он был так силен, что его почувствовала даже Ли. Она поморщилась и потерла нос. Бакс поднял морду и зарычал.

– Вы проиграли, – повторил голос.

⁹ Русский хорт – русская борзая, порода охотничьих собак.

– Это все Бакс, – сказала Ли. – И ты! Приперлись! Специально приперлись! Ладно, вылезая. А вы сидите здесь, если вам так уж хочется!

– Сейчас я сама спущусь. – По крыльцу протопали неожиданно тяжелые шаги. – Сейчас...

Тут Бакс не выдержал. Он вскочил на ноги и принялся лаять, злобно, яростно, как только умел.

– Скажи ему! – Ли стукнула пса кулачком по голове. – Чего он?

Я не стал останавливать пса. На квадратный километр вокруг не было ни одной живой души, между Ли и ней остался только я. И Бакс. Бакс лаял.

– Бакс, ты чего? – Ли обхватила его за шею. – Что с тобой?

Шаги остановились.

– А ну-ка немедленно успокойся! – Ли пыталась уложить собаку на землю.

Бакс не успокаивался. Шаги снова двинулись к лазу под крыльцо, я уже захлебывался в этом жутком зверином запахе...

Не знаю, чем бы все это закончилось, но плохо бы закончилось, это точно. Еще бы минута... Я уже собирался выскочить из-под крыльца и принять честный бой, как со стороны ворот послышался автомобильный сигнал. Это приехали Ма и Па. Шаги сразу остановились, а потом направились в другую сторону. Запах ослабел, а затем и вовсе развеялся. И снова запахло яблонями и землей. Бакс унялся и только

бешено дышал, выгоняя из легких вонь.

– Вот дурак! – Ли стукнула меня в плечо. – Всю игру нам испортил! Если бы не вы, она бы меня ни в жизнь не нашла!

– Это уж точно, – сказал я и выбрался на воздух.

Па был не в духе, Ма тоже. Обедали мы в тишине. Римма сидела рядом с Ли и как ни в чем не бывало гоняла вилкой горошину по тарелке.

– Что делали без нас? – вдруг спросил Па.

– А, – отмахнулась Ли. – Ничего. Решили в прятки поиграть, да Бакс все испортил. Я спряталась, а он меня нашел первым – и как давай лаять! Так ничего и не получилось. Дурачок.

Про меня она ничего не сказала. Интересно, почему?

– Странный Бакс какой-то в последнее время, – произнесла Ма. – Мне кажется, он нервничает почему-то...

– Он лапу наколол, – вставил я. – Вот и волнуется...

– У него переходный возраст, – сказал Па. – Он ведь уже не такой молодой. У него вон уже вроде как седина на подбородке...

– Он еще совсем не старый, – вступилась за Бакса Ли. – Знаешь, как он бегаёт! А седина у собак с двух лет случается...

Па пожал плечами.

– Я думаю, ему надо устроить особую диету, – сказал он. – Для пожилых.

– Да не надо ему ничего, – возразил я. – Ему и так хоро-

шо...

Этого еще не хватало! Будут кормить Бакса всяким овсом и морковкой сушеной. А он, между прочим, не лошадь. Это лошади овес едят, а Бакс мясо любит...

– В магазине слышал, – вдруг сказал Па, – вчера напали на одного мальчика. Это недалеко отсюда, два квартала. Прямо возле собственного дома... Его нашел электрик, он услышал крики. Но нападавшего не видел. Вызвали милицию, но собака не взяла след. Парень в больнице.

– Что с ним?

– Неизвестно. Но в сознание он пока не пришел.

Все перестали есть.

– Я это к чему говорю, – продолжил Па. – Милиция не исключает, что напал, возможно, какой-то сумасшедший, и я хочу, чтобы вы были осторожны. Вечером из усадьбы не выходить. Если выходите днем – обязательно с телефоном. И Бакса с собой берите. Будьте бдительны...

Интересно... Я подумал о том, что, если бы я вчера ночью пошел за Риммой, этот парень вполне мог бы и не валяться сейчас без сознания. Но я ведь не мог знать наверняка...

– Будьте бдительны, – пронюнила Ли. – Не разговаривайте с незнакомцами, сообщайте о них по указанному телефону, не садитесь к ним в машины...

– Над этим не надо смеяться. – Ма отложила вилку. – Это очень простые и эффективные правила.

– Па, а ты нам пистолеты лучше дай, – вдруг сказала Ли. –

У тебя же их три штуки...

– И не вздумай! – возмутилась Ма. – Никаких пистолетов! Они из них друг друга в первый же день перестреляют!

– Бакс лучше всякого пистолета, – сказал Па. – И ума у него больше, чем у вас всех. Так что вы лучше с ним ходите гулять. Или все вместе по крайней мере.

– Я лучше уж с Баксом. – Ли подмигнула мне. – Хотя Бакс ленивый, он в машине любит кататься. Бакси, а ну-ка, изобрази пьяницу!

Бакс послушно перевалился на спину и задрогал лапами. Все засмеялись. Нервозная атмосфера стала постепенно рассеиваться.

– Ладно, Бакс. – Ли выскочила из-за стола. – Пойдемте в город! Римма, пойдешь с нами?

Римма отрицательно покачала головой. Гулять она не хочет. Вот и хорошо.

Ли оделась потеплее, и мы стали спускаться к городу. Я знал, что хочет Ли – она наверняка желает кафе-мороженое посетить. Я не очень люблю мороженое, а Бакс вот любит.

Пригороды закончились. Мы вошли на ведущую к центру города улицу. Ли шагала весело и беззаботно, раскидывала иногда ногами кучи прелых листьев, срывала с веток редкие прошлогодние каштаны и швыряла их в меня и Бакса, а мы уворачивались. Но мне было невесело. Я видел, что в городе что-то не так. Я видел плохие знаки. Может, у меня па-

ранойя?¹⁰ Навязчивые бредовые идеи в самой обостренной степени? Может, я псих? Может. Но знаки беды ясно читались повсюду.

Объявления. На столбах, на водоразборных колонках, на штукатуренных стенах домов. Пропала кошка. Нашедшего просим вернуть за вознаграждение. Не вернулась домой собака, порода эрдельтерьер. Помогите найти. Ушла и не вернулась овчарка, кличка Батяка, нашедшего просьба позвонить. Много объявлений, слишком много. Может, они и раньше были, да я их не замечал.

Я почти уверен. Почти уверен, что это она. Но только почти. «Почти» мало для того, чтобы начать действовать.

Мы шагали дальше.

На улицах совсем нет кошек. Раньше этих мерзких тварюг было полным-полно. А теперь их нет. Кошки ушли. Куда-то исчезли. Разом, будто сговорились. Крысы тоже нет. Говорят, что крысы не боятся даже ядерного оружия, а вот сейчас куда-то пропали. Бывало, все канализационные колодцы так и кишели серыми, они копошились там, занимались какими-то своими крысиными делами. И все, тоже нет, крысы тоже ушли. А крысы уходят только тогда, когда корабль собирается пойти ко дну.

Собаки еще остались. Но это были какие-то смирные собаки, как будто пришибленные. Словно в город пришла чума, и все: и собаки, и кошки, и крысы, и даже птицы – по-

¹⁰ Паранойя – психическое заболевание.

чувствовали ее тяжелые шаги.

– Ты чего такой мрачный? – Ли остановилась и посмотрела мне в глаза. – Чего невеселый? Будем мороженое есть! Па денег отсыпал.

Я был невесел. Я тоже слышал шаги чумы по улицам.

Глава VIII

К вопросу о пропавших без вести

Я снова смотрел телевизор. Теперь я много смотрел телевизор, гораздо больше, чем можно. От этого у меня болели и слезились глаза. Но я все равно смотрел. Телевизор был моим единственным развлечением. И еще газеты, которые приносил Белобрысый.

– Больше всех отличился житель Подмосковья, – рассказывал ведущий. – Ему показалось, что его доберман-пинчер по кличке Малыш посмотрел на него «как-то не так». После чего разгневанный хозяин забил своего питомца сковородкой. Избиение продолжалось до тех пор, пока соседи не вызвали милицию. Впрочем, когда прибыли стражи порядка, Малыш уже умер от многочисленных переломов черепа. В свете так называемого «Пригородного инцидента» милиция не стала арестовывать правонарушителя, ограничившись устным внушением...

Тема вошла в моду. Но это ненадолго. Скоро журналисты переключатся на что-нибудь другое, так всегда бывает.

Тогда я сразу же отыскал нужный мне дом. Его было трудно не узнать – возле него дежурила милицейская машина, а еще две машины, но только не милицейские, а обычные, катались туда-сюда по улице. Но в них тоже сидели милицио-

неры, это было видно.

Из тачки, дежурившей возле дома, высовывалась круглая морда служебной немецкой овчарки. Правильно сделал, что не взял с собой Бакса. Овчарка взглянула на меня с безразличной подозрительностью, а потом служебно гавкнула. Почувяла, что я не тот, кого следует опасаться, и утратила ко мне всякий интерес. Тогда я решил подшутить и отдал овчарке команду «Лежать!». Она послушно упала на пол автомобиля. Мозгов у нее точно не было, я в этом убедился.

– Сиди здесь, – велел я ей и двинулся к дому.

Дом как дом, только вот жалюзи на окнах. На всех. Ограда невысокая, как принято в любых пригородах. И белой краской покрашена. Полная идиллия. Я перепрыгнул через ограду и пошел вокруг дома. Трава была примята почти везде, но примяла ее наверняка милиция – улики искали. Скорее всего не нашли.

На заднем дворе я остановился и прислушался. Внутри дома находились два человека. Наверное, из милиции. Чего-то они ждали. Хозяев не было. Может, это они засаду таким образом устроили. Хотя какой смысл?

Я решил подобраться к ним поближе, послушать. Дверь, выходящая на задний двор, оказалась открыта. Я потянул ручку вниз и проник внутрь.

За дверью обнаружился небольшой коридорчик, а за ним кухня. На кухне и сидели милиционеры. Они пили кофе и жевали хлеб с колбасой. Молча. Я стал ждать. Они покончи-

ли с едой, закурили.

– За последних семнадцать лет это у нас первый случай, – сказал один.

Дверь на кухню была закрыта неплотно. Я осторожно приблизился и заглянул в щель.

Говорил старший. Он сидел за столом. Другой, помоложе, стоял рядом.

– Я слышал, в других областях такое бывало, – сказал молодой.

– Бывало, – подтвердил старший. – Особенно на севере. И никогда никого не находили.

– Маньяк? – спросил молодой.

– Не знаю, – старший достал спичку и принялся ковырять в зубах. – Не знаю. Я раньше в столице работал, такого там понавидался! Когда сюда перебрался, мне здесь служба раем показалась... Много всего видел.

– Чего? – заинтересовался молодой.

– Всего, – снова сказал старший. – Ну, например, к вопросу о пропавших без вести. Есть такие места, в которых исчезают. Знаешь, сколько каждый год людей исчезает? Тысячи. И без следа. Как будто растворяются.

– Это ты про черные дыры?

– Ага. Тоже слышал?

– Слышал, – кивнул молодой.

– Но это газетчики их так называли. А мы их называли заплаты.

– Заплаты? – переспросил молодой.

– Ага. Знаешь, на одежде заплаты? Иногда они отрываются. И в эти дыры проваливаются люди. Я видел однажды...

Старший открыл холодильник, налил себе воды и отпил большой глоток.

– Домой возвращался. А впереди меня девушка шла. И вот она заворачивает за угол. Я шагаю за ней, по пути ведь. Тоже заворачиваю. Смотрю – а никого нет. Переулок пустой. Длинный такой пустой переулок, просто две стены. Ни дверей, ничего вообще. А девушки нет. Исчезла. Я два раза по этому переулку прошел – пусто. Только мусор разный вдоль стен. А потом видел у нас в отделении ориентировку – разыскивается девушка, фамилия такая-то, возраст двадцать один год... Вот так.

Молодой тоже налил себе воды.

– Слушай, а чего с этим парнем-то? Ну, который в этом доме жил? Что случилось? У тебя ведь брат в больнице работает.

Старший ответил:

– У меня шурин в больнице работает – это раз. А два, все, что произошло в больнице, – тайна следствия.

– Да ладно, колись, делать-то все равно нечего, скучно здесь сидеть.

Старший помолчал, а потом все-таки выложил:

– Там темная история. Этот парнишка, на которого напали, он в коме пребывал. То есть в отключке полной. Никто не

знал, когда он очнется. А он вчера и очухался. И как только очнулся, так сразу начал кричать. Ни слова не сказал, только кричал и кричал. Как ни пытались его остановить, ничего не получалось. Пришлось ему вколоть снотворного. Он проспал пять часов, проснулся и снова принялся орать. Его опять усыпили. И так три раза. В конце концов его отвезли в какую-то клинику, чуть ли не в самую Москву...

– Да уж...

– Это еще не все. Он поседел за ночь. Шурин рассказывал, что, когда его привезли, он был черноволосый, а когда возили, белый, как соль. За ночь поседел.

– Так не бывает, за ночь не седеют...

– Седеют, уж поверь мне. И еще. Сдается мне, что все это только начало... Такое еще случится... Вот увидишь...

Молодой кивнул.

– Я рассказ в детстве читал, – вспомнил он. – Там вот такие же вещи происходили. А потом выяснилось, что это из другого мира существа ловушки расставляли. Кто исчезал, кто с ума сходил... А людишек они потом жрали.

– Не, – покачал головой старший. – Тут все не так просто... Тут что-то другое... Гораздо хуже... Или вот. Ты фильм про Фредди Крюгера видел? «Кошмар на улице Вязов»?

– В детстве видел, – улыбнулся молодой. – Смешное кино.

– Кино-то смешное, это точно... А у нас вот был почти такой же случай. Про СВС слышал?

Молодой отрицательно покачал головой.

– СВС – синдром внезапной смерти, – пояснил старший. – У нас на участке было. Вдруг ни с того ни с сего стали умирать подростки. Лет девятидвенадцати.

– Во сне?

– Нет, не во сне. Но когда рядом никого не было. Родители уходят на работу, оставляют детей дома, а когда возвращаются – парень мертв. Без всяких следов насильственной смерти.

– И все? – молодой опасливо оглянулся.

– Не все. – Старший снова закурил. – Не все. В комнате с мертвым на стене находили как бы выжженное пятно. Размером с футбольный мяч. Просто обугленное пятно. На что мы только не думали. И на шаровые молнии, и на излучатели разные. Ученых приглашали – ничего. Так и не разгадали. Будто что-то приходило в отсутствие родителей, убивало и снова уходило.

– А потом?

– Потом родители кое-что придумали: они стали в каждой комнате видеокамеры расставлять. И смерти сразу же прекратились. Вот тебе и Фредди Крюгер. Сам, кстати, Фредди Крюгер тоже существовал. Но это в Америке было, не у нас.

– Теперь вот у нас чертовщина разная началась, – вздохнул молодой. – А как все хорошо было...

– Да, – согласился старший. – И прямо среди дня. Мальчишка качался на качелях, а потом, наверное, на него кто-то

напал. Местный электрик проходил недалеко, услышал крики, но нападавшего не видел. Это он вызвал милицию...

– И мы ничего не нашли. Ни следов, ни улики. Собака след не взяла.

– Следы были, – возразил старший. – Только детские. Потом их затоптали, конечно...

– А чего тебе в этих следах? – спросил молодой. – Парень сходил к калитке и вернулся обратно. Вот на них внимания и не обратили.

– Просто никто не подумал, что следы могли ведь вести и от калитки к качелям. А разница здесь большая... Такие вещи замечаешь, если долго работаешь. Но теперь все равно уже ничего не узнать, парень в себя не приходит. И этот укус... Скорее всего собака, точной экспертизы пока нет.

– А почему не сообщалось об укусе?

– Паника ни к чему. И так в последнее время с собаками что-то творится...

– Что?

– Сводки надо хоть иногда читать... Случаи нападения собак участились, по всей стране. Если народ узнает, что и у нас такое началось, всех здешних собак перевешают. Это нам ни к чему. Если бы исследовать следы...

Когда они стали говорить про следы, я шагнул поближе к двери, поскользнулся на паркете и случайно открыл дверь.

Они уставились на меня, как на привидение. Я оглядел кухню с хозяйским видом. Неодобрительно глянул на сига-

реты и открытый холодильник.

– Ты кто? – спросил один, тот, что постарше.

Я не ответил. Старший поглядел на молодого:

– Ты, наверное, дверь заднюю не закрыл?

– Закрывал...

Они снова уставились на меня. Молодой даже положил за-чем-то руку на кобуру. Я зевнул, решил, что это их успокоит.

– Что ты тут делаешь? – спросил старший.

– А тут мальчишка пропал? – вопросом на вопрос ответил я, решив сработать под дурачка. – Я слышал, что его при-шельцы похитили, а у нас как раз кружок уфологии¹¹ организовался...

Они напряженно засмеялись.

– Иди отсюда, мальчик, – сказал старший. – Тут нельзя находиться.

– А фотографии можно сделать? Я подпишу – «Дом с привидениями». Можно?

– Нет мальчик, нельзя. Иди лучше, а то мы родителям позвоним.

– Жаль, – сказал я.

Я еще оглядел для порядка кухню, а затем сделал вид, что вышел на улицу, хлопнув дверью. На самом деле я остался в доме. Меня интересовало одно место во всем этом коттедже – детская.

Детские обычно всегда помещают на втором этаже, как у

¹¹ Уфология – псевдонаука о «летающих тарелках».

нас. Я отыскал лестницу и быстро вбежал наверх. Комнату я обнаружил сразу – поперек двери была натянута бумажная лента с запретительной надписью. Ленту я снимать не стал, прошел под ней.

Вся комната была заполнена всевозможными моделями летательных аппаратов, от истребителей до тяжелых грузовых вертолетов. Самолеты свисали с потолка, стояли на полках и даже на полу. На столе скучала недостроенная модель космического корабля, вокруг нее лежали инструменты и тюбики с клеем и красками.

Ничего интересного. Я осмотрел комнату раз, затем еще. И нашел. Под диваном, в самом углу, на это никто не обратил внимания.

Кучка грязных вороньих перьев. Как там, на холме, там, где я обнаружил Кики.

Я потихоньку спустился на первый этаж. Милиция продолжала болтать на кухне. Я выбрался из дома на двор, подошел к качелям. Ничего необычного. Два вкопанных в землю столба, между ними труба, к трубе на подшипниках прикреплены цепи. На цепях сиденье. Видимо, хозяин дома сам сделал. Вот на этих качелях паренек и качался. Качался и качался. Докачался.

Качели медленно болтались от ветра и поскрипывали. Это было очень грустно. Скрип качелей – самый грустный в мире звук...

Что-то заставило меня оглянуться. Какое-то чувство.

Трудно описать. Я вдруг почувствовал, что мне надо оглянуться через левое плечо.

Я оглянулся.

Ничего. Угол двора. В углу два мусорных бака, несет чем-то тухлым.

Я направился к этой мусорке. Чем ближе я подходил, тем сильнее к запаху тухлятины примешивался еще какой-то. Когда до баков осталось шагов двадцать, я вдруг увидел. К крышке бака сбоку прилепилось черное перо. Я уже собрался вытряхнуть мусор и выяснить, что там за птица скрывается, как вдруг дверь открылась и на крылечке нарисовался молодой милиционер.

– Эй, что ты там делаешь? – крикнул он. – А ну, прекрати!

Молодой двинулся ко мне.

Бак уже почти подался, еще секунда – и все содержимое окажется на траве. И я узнаю, что это за птица...

– Стреляю! – неожиданно крикнул молодой.

Я осторожно, не делая резких движений, повернулся в его сторону. Он меня надул. Стоял с перепуганной рожей, а пистолета так и не достал. На его крик из дома вышел старший.

– Чего орешь? – спросил он.

– Парень в бак лезет.

– А тебе что? Может, он решил позавтракать?

– Не знаю... – Молодой расслабился. – А вдруг он там ищет чего-нибудь?

– Если он там чего и найдет, то лишь пару яблочных

огрызков. Хотя...

Старший посмотрел на меня, подумал и сказал:

– А вообще-то ты прав. Нечего ему в бак лезть. Вдруг там какие-нибудь улики? А ну, вали отсюда!

И старший похлопал по кобуре.

Я сделал вид, что испугался. Вздрогнул и потрусил к калитке. Милиционеры вернулись в дом.

За калиткой я посмотрел направо, посмотрел налево. Решил возвращаться тем же путем, что и пришел.

Овчарка продолжала лежать на сиденье. Пробегая мимо машины, я услышал, как она тихонечко поскуливает. Я прекрасно знал, что означает это поскуливание. Так поскуливает собака, которой внезапно очень захотелось в туалет, но которая смертельно боится нарушить приказ своего хозяина оставаться на месте.

Безмозглая тварь. Преданная, но безмозглая. Мне стало ее жаль. Я вернулся к машине и сказал:

– Гулять!

Овчарка мгновенно выскочила из автомобиля и рванула к газону. Я отправился дальше.

Я не знал, что мне предпринять. Ничего серьезного я так и не нашел. Кучка перьев. Кучка вороньих перьев и мальчишка, который качался себе на качелях, а потом взял и с ума сошел. И стал седой за одну ночь.

Все могло быть. Я шагал, размышляя, что мне дальше делать. Как себя вести. Едва начатое расследование уже прова-

лилось. И если говорить честно...

Внезапно я услышал за спиной быстрые легкие шаги. Кто-то бежал за мной и очень старался меня догнать. Я сделал вид, что шагов этих не слышу, а когда они приблизились уже на опасное расстояние, сделал обманное движение вправо и резко развернулся.

Это была овчарка. Овчарка остановилась и тупо на меня уставилась.

– Чего надо? – спросил я. – Еще тебе что-нибудь приказать?

Овчарка принялась мучительно думать. Мозги ее скрипели, выполняя непривычную работу. После почти минутного раздумья овчарка завывала.

Она выла на меня.

Собака выла всю ночь под окном, все прекрасно знают, что случается потом.

Глава IX

Чердак

С чего я вдруг полез на чердак? Все очень просто. Чердак в доме – самое загадочное место. Самое тайное, редко посещаемое и темное. Мне кажется, что для любого зла чердак гораздо привлекательнее, чем тот же подвал. В подвал всегда легко спуститься, залезть на чердак гораздо сложнее. А если еще чердак заколочен... На таком чердаке обязательно будут происходить всевозможные неприятные вещи. Там наверняка поселятся летучие мыши, совьют гнездо осы-убийцы или еще какие-нибудь малоприятные твари. Такой чердак – первое место, где надо искать опасность.

Но я бы, конечно, так и не собрался обследовать чердак, если бы не одно обстоятельство: утром, за завтраком Ли сказала, будто ей послышалось, что ночью кто-то бродил у нее над головой. Ма сказала, что Ли все это приснилось, а Па предположил, что это, наверное, мыши или крысы. Я же подумал, что крысы крысами, а чердак обследовать все-таки не помешает.

С утра я вышел на улицу и не спеша направился к молочному заводу. Завод находился в противоположной части города, и, чтобы добраться до него, мне пришлось обойти вокруг холма. Сокращать путь и пробираться через верхушку холма мне не хотелось. Я не стал ломиться через главный

вход и двинулся сразу к служебной калитке.

Из сторожевой будки высунулся седой ирландский волкодав. С волкодавом связываться не хотелось, опасная животнога. Конечно, у меня в кармане есть молотый перец, красный и черный пополам. Но лучше миром.

– Пропустил бы, – сказал я волкодаву. – Хорошая собака.

Волкодав задумчиво повертел хвостом, потом отодвинулся в сторону. Всегда я умел находить общий язык с собаками.

Я вошел на территорию завода. То, что мне было нужно, располагалось справа. Это были большие баки, куда сливали прокисшую и уже ни к чему не пригодную сыворотку. Раз в неделю эти баки вывозили и сливали в озеро. Запах был точно такой, как у дохлой кошки. Я поморщился, унял тошнотворные рефлексy, набрал в легкие побольше воздуха, а затем зачерпнул палкой из бака желтой бурды вперемешку с червями и наполнил ею пакет. Пакет поместил в другой пакет, а затем в третий, но запах пробивался, пришлось закрыть все это еще и в банку. И все равно – крепкий устойчивый запах дохлой кошки. С таким запахом дома лучше не появляться. Впрочем, я и не собирался возвращаться домой до вечера.

Волкодав на проходной в этот раз на меня даже не посмотрел, сразу спрятался в своей будке.

До дома я добирался несколько дольше. Чтобы не пугать прохожих, пришлось пробираться по различным закоулкам и кустам. И то – возле трамвайного депо от меня шархну-

лась дама с двумя болонками, а возле церкви я напугал старушку. Улицу Розы я обогнул с тыла и в нашу усадьбу пробрался через подкоп под изгородью.

Бакс встретил меня в саду, но сразу же принялся и убрался куда-то в кусты, хотя собаки и любят всякую тухлятину, но дух, исходящий от меня, не смог выдержать даже Бакс. Это было хорошим знаком. Значит, большинство существ с обостренным нюхом даже не подойдут к источнику такого запаха.

Возле веранды меня увидела Ли. Она сразу же сморщилась и спросила:

– Ты где был? На помойке, что ли? Воняет как... как не знаю отчего...

– На молокозаводе был, – объяснил я. – Опарышей накопал, пойду сегодня на зорьке на озеро...

– Ты же вроде на рыбалку никогда не ходил?

– Часы, проведенные на рыбалке, не идут в счет жизни, – изрек я. – А я у одного пацана лодку арендовал. Рыбки вяленой хочицца.

– А у родителей отпросился? – прищурилась Ли.

– Не отпустят, – вздохнул я. – Ты им ничего не говори, может, они и не заметят...

– Я-то не скажу, но все это будет на твоей совести.

– Моя совесть с удовольствием примет еще одно отягощение, – ответил я. – Хочешь на опарышей посмотреть? Такие жирные, аппетитные...

Ли плюнула и пошла в сад, бродить под яблонями и повторять вслух для лучшего запоминания математические формулы – она готовилась к какой-то математической олимпиаде, и ее голова была забита математической чепухой.

Я немного посмотрел, как Ли бродит между деревьями, затем уединился в своей комнате и стал разрабатывать план проникновения на чердак.

Попасть на чердак изнутри дома было нельзя, Па давно заколотил обе лестницы – чтобы мы не шастали по крыше и не ломали себе ноги и головы. К тому же на чердаке было полно всякого старья, о которое можно было легко пораниться и получить заражение крови. Значит, на крышу придется забираться как-то по-другому.

С западной стороны дома имелась длинная приставная лестница, но она находилась прямо перед окном кухни, а мне не хотелось, чтобы меня видела Селедка. Оставался один путь – забраться на крышу гаража, с гаража перепрыгнуть на крышу зимнего сада, подняться по ней до трубы водостока второго этажа, затем вдоль этой трубы пройти до крыши третьего этажа, перебраться через нее, а там уже совсем близко – по козырьку и в слуховое окошко. Оно всегда открыто, для улучшения вентиляции.

Я надел кеды, прихватил банку с припасенной вонючей начинкой и отправился к гаражу. Мне повезло – Ма оставила свою машину во дворе, а это здорово облегчало мне задачу. Я вскочил на капот автомобиля, затем влез на крышу маши-

ны, оттуда перепрыгнул на крышу гаража. Между гаражом и зимним садом было метра два, я легко преодолел их. Дальше начались неприятности. Я пробирался по жестяному желобу, а он весь был почему-то забит мертвыми жуками-носорогами. Дождей не было уже давно, носороги высохли, сжались и представляли собой плотные черные комочки, хрустевшие под ногами. Не знаю, почему это произошло, почему умерли носороги... Умерли. Тогда многие умерли.

Я преодолел этот носорожий желоб и ступил на черепицу третьего этажа. Надо было взобраться вверх до конька, а затем спуститься вниз. Уклон был довольно крут, и в одном месте я даже поскользнулся и сполз вниз по крыше, но удержался.

С конька, с самой высокой точки дома, открывался отличный вид на озеро, на бухту и на лес на ближней стороне холма. Хотелось остаться здесь, посидеть, чтобы никто не трогал, чтобы никто не видел.

Но я перевалил через козырек и стал спускаться к слуховому окошку.

На чердаке пахло пылью, летучими мышами, нафталином. Этот запах был настолько сильным, что у меня зачесались глаза, я едва не чихнул. Пространство было завалено разной рухлядью: креслами, баками, старыми столами, одним словом, всеми теми вещами, которыми так богат каждый нормальный чердак. Я прислушался. Никого. Жаль, что со мной нет Бакса. Но затащить собаку на крышу довольно

затруднительно...

Я прислушался еще.

Тихо. Никого нет. Надо выбрать место. Я осторожно, чтобы не наделать в пыли следов, обошел чердак по периметру. Возник соблазн спрятаться в старый флотский сундук, но это было опасно. Поэтому я укрылся в огромной куче старого тряпья, хранившегося зачем-то возле дымохода. Тряпье так густо пахло нафталином, что вряд ли она меня бы почувяла. К тому же на всякий случай я снял с банки крышку и вытряхнул на пол пакеты с тухлятиной.

Это было круче нафталина.

Мне пришлось долго ждать. Солнце промелькнуло в чердачном окошке, и почти сразу же стемнело. Вечер. Внизу, в гостиной растопили камин, по трубе за моей спиной пошло тепло, я пригрелся и чуть было не уснул. Мешала нафталиновая пыль, попадавшая в нос, – от нее мне хотелось чихать. Впрочем, может быть, я и уснул. Может, я засыпал вообще несколько раз в ту ночь, не знаю. Но когда в чердачное окно просунулась белая длинная рука, я не спал, все видел.

Рука ощупала раму. Появилась вторая рука. На чердак лезла Римма. С лицом у нее было что-то не так. Половину его закрывало мутное белое пятно, над ним горели глаза. Римма огляделась и запрыгнула внутрь. Она приземлилась сразу на четыре конечности, как кошка. Пятно дернулось, и я понял, что это такое. Это был кролик. Римма несла его в зубах – руки-то у нее были заняты.

Римма выпрямилась. Кролик снова дернулся, и Римма взяла его в руку. Кролик пискнул, и Римма свернула ему шею. Зверек безжизненно повис. Римма села на старый стол. Какое-то время она сидела не шевелясь, затем стала выдирать из кролика шерсть. Шерсть разлеталась клочками по полу, и очень скоро кролик остался совсем голым. Тогда Римма сорвала из-под крыши бельевую веревку, обмотала кролика за ноги и подвесила к потолочной балке. Затем сделала быстрое движение, что-то блеснуло в воздухе, и я почувствовал, как по чердаку поплыл тяжелый запах... Римма села на пол почти под кроликом.

Дальше я не стал смотреть. Мне стало противно, и я закрыл глаза.

Я лежал под ворохом затхлого тряпья и слышал, как капает кровь, как бьют о доски капли. А иногда эти удары сопровождались странными скрежещущими звуками, будто кто-то возил по дереву гвоздем.

Вдруг что-то ужалило мою ногу. Может, это был паук, а может, просто нога затекла. Было больно. Моя нога дернулась совершенно непроизвольно, сама собой. Рваный кожаный сапог, лежавший прямо перед моим носом, упал на пол. Я задержал дыхание и открыл глаза.

Римма поднялась с пола. Она слушала. Ее лицо было все перемазано черным. Или красным. И в этом месиве знак, о котором рассказывал старый истопник Сухой, выделялся особенно отчетливо. Челюсти, скулы, глаза, переносица со-

шлись под нужным углом, что придавало лицу злое и хищное выражение.

Римма понюхала воздух, но меня так и не нашла – помог мой визит на молокозавод и эти пронафталиненные тряпки. Она решила, что на чердаке никого нет, подняла руку и сорвала кролика из петли. Кролик был какой-то тряпичный, будто выжатый. Римма сунула руку за пазуху, вытащила горсть черных перьев и дунула на ладонь. Перья разлетелись черным снегом. Римма поводила ноздрями и шагнула назад к окну. Постояла с минуту, послушала. Затем выпрыгнула.

Я остался на чердаке один и просидел на нем до утра под кучей ветхого барахла рядом с каминной трубой. Не мог заставить себя выйти.

Когда стало светать, я выбрался из своего укрытия. В том месте, где сидела Римма, на полу, прямо под потолочной балкой, был вырезан незнакомый мне символ. Неровный круг, пересекающийся под разными углами косыми полосами-бороздами. Поверх бороздок дерево было тщательно выкрашено красным. А вокруг разбросана выдранная кроличья шерсть и вороньи перья. Сильно пахло железом. Зачем Римма вырезала этот круг? Зачем она вырезала его именно здесь? Чем она его вырезала?

И внезапно я понял, почему Римма вырезала круг именно под потолочной балкой. Я еще не знал тогда, что означает этот символ и зачем его ставят, но почему он располагался именно тут, я понял.

Он располагался прямо над комнатой Ли.

Я поглядел на круг. От него исходила какая-то неприятная теплая энергия, мне было не по себе рядом с ним, и я поспешил убраться.

Спустившись с чердака, я сразу вернулся в дом. Все было в порядке. Все были дома. Даже Римма. Она отдыхала. Лежала то ли на полу, то ли на кровати. Проходя мимо ее комнаты, я почувствовал, как от нее пахнет кроликами. Теперь от нее будет еще долго пахнуть кроликами...

Я вспомнил о кроликах и решил их навестить. Кликнул Бакса. Бакс появился не сразу, сонный и перепачканный в какой-то тине.

– Пойдем кроликов проведем? – предложил я. – Давно у них не были.

Бакс согласно вильнул обрубок хвоста.

Не знаю, откуда здесь у нас появились кролики. Видимо, сбежали откуда-то и прижились. А Ма и Па не стали их травить, вот на задворках сада и образовалась небольшая кроличья колония.

Сейчас в кроличьем углу было пусто, хотя сами кролики и находились на месте, в норе. Бакс слышал их и приветливо повизгивал, вызывая на поверхность.

Но кролики не показывались. Выход из норы был разрыт. Земля раскидана вокруг крупными комьями.

Я постучал каблуком по земле, обычно после этого кролики высовывали наружу свои мордочки. Но сейчас они не

ответили. Мне подумалось, что кроликам, должно быть, совсем худо. Они ведь такие маленькие и беззащитные, единственное спасение для них – бегство. Но и убежать удастся не всегда. И не от всех.

Я позвал кроликов еще раз. Бесплезно. Кролики были заняты. Они копали ход, ведущий прочь от нашего дома.

Мне здесь было больше нечего делать, мы с Баксом выбрались через лаз на улицу и побежали к озеру. После сегодняшней ночи надо было хорошенько помыться.

Глава X

Интервью с Коляскиным

Я снова смотрю телевизор, местную программу. А что мне еще в этой камере делать? По телевизору показывают доктора Коляскина. Доктор Коляскин сидит в студии и отвечает на вопросы какого-то студенистого суетливого репортера. Репортер хочет прославиться и задает специально придуманные подлые вопросы.

– Доктор, вы знаете, что в связи с так называемым «Пригородным инцидентом» по стране прокатилась волна демонстраций под общим лозунгом: «Остановим собак-убийц»? К тому же под угрозой срыва оказалась федеральная программа опекуинства и усыновления детей-сирот...

Коляскин – наш домашний доктор. В смысле домашний доктор семьи Ли. И его отец был доктором, и его дед, и прадед, наверное, тоже. Говорили, что какой-то из предков Коляскина лечил чуть ли не самого Петра Первого и за это был жалован казной и землями. Так что Коляскин – потомственный доктор. Он, кстати, и животных может лечить, если возникает такая необходимость. Бакса он смотрел.

– Не вижу причин делать из одного частного случая какие-то далеко идущие выводы, – говорит доктор. – Я могу сказать, что за сорок лет моей практики это всего лишь пятое происшествие. И первый случай с летальным исходом. И

тысячи семей усыновляют детей-сирот и живут счастливо. В то время как на наших дорогах в автомобильных катастрофах гибнет в среднем по пять человек в день. Женщин, мужчин, детей и стариков. И никто не проводит демонстраций с целью запретить автомобили...

Репортер согласно кивает.

– Допустим, – говорит он, – допустим. Но как должно реагировать на подобные случаи общество? Как в конце концов должно реагировать на подобные случаи правительство?

– Я убежден, что ни общество, ни правительство не должно реагировать на данный конкретный случай никак. Не будет же правительство строить над каждым городом купол из-за существования вероятности падения метеорита?

Репортер не находит, что на это ответить. Тогда он задает самый подлый вопрос из всех, что можно придумать:

– Вы ведь наблюдали этого мальчика? Можно ли было предотвратить трагедию?

Доктор Коляскин отвечает не сразу. Он протирает очки, массирует пальцем переносицу. Потом говорит:

– Да, я был домашним врачом в этой семье. И наблюдал за ребятами. За девочкой. А как появился мальчик, так и за мальчиком. Нормальный парень, я не заметил никаких отклонений ни в умственном, ни в физическом развитии.

– Вы хотите сказать, – продолжал репортер, – вы хотите сказать, что все произошло абсолютно неожиданно? Без причин? Что любой ребенок в любой момент может превра-

титься в злобного кровожадного монстра?

– Я не хочу этого сказать, – устало отвечал Коляскин. – Я хочу сказать, что этот случай – отнюдь не система. Это исключение, лишь подтверждающее, что подавляющее число детей, в том числе и усыновляемых детей, вполне нормальны.

– Хочу напомнить телезрителям, – нагло перебил репортер, – что убийцу с улицы Розы зовут...

– Этот случай очень нетипичный, – терпеливо объяснял Коляскин, – этот случай надо еще долго и тщательно изучать. Во всем этом деле довольно много неувязок. Я попытался проанализировать некоторые из них. Почему никто не обращает внимания на довольно-таки странные детали?

– Какие, например? – Репортер аж подпрыгивает от предвкушения сенсации.

Доктора Коляскина камера берет крупным планом.

– Например, следующие. – Доктор заглядывает в записную книжку. – В газетных статьях никто ни разу не написал, что в той семье, в которой раньше жила та приемная девочка, произошел очень похожий случай. Удочерившая ее женщина пыталась Римму убить, правда, неудачно. А сама повесилась.

– На что вы намекаете? – спрашивает репортер.

– Молодой человек, – не выдержал Коляскин. – Я не ваша подружка, чтобы вам на что-то намекать. Я излагаю факты. А факты таковы. Доказано, что на трех человек в нашем го-

роде кто-то напал. Какое-то существо. Какое точно – неизвестно. Все пострадавшие оказались в больнице с сильнейшими психическими расстройствами...

Значит, Ли все-таки попала в больницу. Зато она жива. А кошмары... У всех есть свои кошмары.

Коляскин излагал:

– После того как задержали этого парня с собакой, все стали считать, что нападения – их рук дело...

– Это ведь логично, – ввернул журналист.

– Зачастую логика не работает, особенно в таких случаях.

Следы укусов обнаружены во всех случаях, это верно... Но неужели вы считаете, что нападение собаки может испугать человека так, что он уже больше месяца не может говорить, принимать пищу и спать? Кстати, до сих пор нет данных об исследовании останков Риммы. Почему? Но даже без этого можно сказать, что случай несколько не укладывается в схему собаки-убийцы и ее хозяина. Как вы все знаете, в последнем нападении участвовали этот мальчик, Сеня, и его пес. Бакс. Что произошло с хозяином, знают все. Его задержали, и сейчас он ждет специальной комиссии, которая определит степень его вменяемости...

Коляскин налил из бутылочки воды и выпил.

– Бакс, собака, погиб во время нападения. Но никто не обращает внимания, как именно погиб Бакс.

– А как погиб Бакс? – спросил ведущий.

– От перелома позвоночника.

– То есть там, в саду, был еще кто-то, кто сломал позвоночник такой крупной собаке?

– Эксперты утверждают, что никого в саду больше не было. – Коляскин снова налил себе воды. – Только Лиза, хозяйская дочка, Римма, этот парень. И Бакс. Потом прибежала экономка. И все.

– Следовательно, по вашей версии можно предположить, что позвоночник собаке сломала одна из девочек?

Коляскин не ответил.

– Как одиннадцатилетняя девочка смогла расправиться с собакой, которая даже весит больше ее? Которая сильнее ее в несколько раз?

Коляскин пожал плечами.

– Я не делаю выводов, – сказал он. – Я просто сопоставляю факты и рассуждаю логически. Выводы пусть делают другие. Сама себе собака сломать позвоночник не может. Хозяин свою собаку тоже не будет убивать. Следовательно, это сделала одна из девочек. Если продолжать рассуждать логически – собака напала только на Римму, Лизу, дочь хозяев, она не тронула. Значит, объектом нападения изначально являлась Римма. Отсюда: сломать позвоночник Баксу могла тоже лишь она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.